

Часть III ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ — ГРАЖДАНИН И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

3.1. ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Последние 15 лет интеллигенция в России не играет сколь-нибудь существенной роли. Однако в предыдущие времена события развивались иначе. Интеллигенцию боготворили и ненавидели, ее считали мозгом нации и обзывали экскрементами, ее боялись, уничтожали, возвеличивали, высылали на пароходах, пытались купить высокими постами, с ней заигрывали. Считаться интеллигентом было престижно. Само выражение «истинный интеллигент» говорило о том, что были и неистинные — многие пытались выгладеть интеллигентами. Тогда спорили о том, обязательно ли интеллигент должен находиться в оппозиции власти или должен сам идти во власть, чтобы претворять в жизнь свои убеждения. Все это — в прошлом. Теперь власть увлечена спорами с бизнесом. Власть хочет денег, а бизнес хочет власти. Интеллигенция для них — третий лишний.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, в период слома социалистической системы, российские интеллигенты сначала оказались востребованы реформаторами-революционерами, использованы, а затем отгеснены на обочину исторического развития. На авансцену общественной жизни вышел и утвердил себя диаметрально противоположный интеллигенции социальный тип — новые русские. Именно они стали хозяевами жизни во второй части периода ельцинского правления. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» — с издевкой вопрошали они. Писатели, ученые, инженеры, педагоги возмущались, но о них, казалось, совсем забыли. Забыли настолько, что теперь в рассуждениях об интеллигенции допускается возможность ее использования как инструмента — вроде зубочистки. Дескать, во власть ее пускать не будем, а для каких-то иных надобностей, может быть, и приспособим: «Следует предоставить интеллигенции монополию на обустройство эстетического измерения империи, перекрыв доступ к исполнительным механизмам. <...> Производство идеологических составляющих власти, в том числе национальные идеи, нельзя доверить чиновнику, даже самому надежному “члену команды”. Здесь интеллигенция незаменима»¹.

¹ Секацкий А. Интеллигенция и материя // Известия. 2006. № 116. 3 июля.

Думается, подобные советы могут быть безоговорочно восприняты лишь чиновниками, не отягощенными знанием истории. В них содержится очевидная опасность для «пользователей». С самого момента появления интеллигенции попытки ее использовать предпринимались властью каждый раз, когда «сильные мира сего» попадали в трудные ситуации. Обретя почву под ногами, власть от интеллигенции снова отворачивалась и получала опаснейшего оппонента, подготавливая тем самым очередную смену власти.

Ельцинский период — время очередной революции и смуты на Руси. Для многих — некое затмение и разума, и совести. Чуть ли не все общество вдруг стало напоминать потерявшую человеческий облик толпу, бросающуюся громить винные склады. Власть сначала была озабочена своим собственным переструктурированием и становлением. А затем совершенно неожиданно для многих оказалась во главе погромщиков. Видимо, это случилось в результате принципиальной ошибки реформаторов: ускоренного административным ресурсом формирования олигархического капитала в условиях недоразвитого рынка, отсутствия в стране как среднего класса, так и соответствующего рынку правового поля и культурных традиций. После 1996 года олигархи фактически захватили власть. Для идей многопартийности, демократии, свободы слова, да и просто совестливости места в идеологии правящего слоя уже не оставалось.

Теперь в стране медленно, но наступает некоторое отрезвление. Впрочем, если внимательно присмотреться, далеко не все общество позволило себе запачкаться участием в погроме. Ни Дмитрия Лихачева, ни Даниила Гранина в рядах погромщиков не было. Часть совестливых людей была оторгнута властью в начале 1990-х годов, другая часть — в середине. Сохранили человеческое достоинство и миллионы простых людей, продолжавших делать свое дело: учить детей, лечить стариков, печь хлеб.

И не случайно в последнее время общество начало снова вспоминать об интеллигенции. Похоже, что-то в стране без нее не получается. Думается, без интеллигенции не может состояться воссоздание сильной, независимой России. Никакие репрессивные меры у нас не решают проблем коррупции, клановости, расизма и т. д. В отличие от Латинской Америки или Грузии, сегодняшней Россией нельзя управлять только силой. В отличие от современного Запада, сегодняшней Россией нельзя управлять и одним манипулированием. В отличие от сегодняшней Украины или стран Балтии, Россией никогда нельзя было управлять разжиганием национализма. Вот тут и вспоминается способность интеллигенции влиять на общественное мнение, на создание нравственного климата.

В последнее время все рельефнее обозначаются и новые проблемы российского бизнеса. Его аморальность перестает восприниматься об-

ществом как норма жизни. Бизнесу поставлен диагноз: «Ты богат не потому, что умен, а потому, что нечестен». Восприятие обществом богатства как плода бессовестности лишает бизнес стабильности. А это — вторая фундаментальная для бизнеса ценность после денег. Кроме того, в последние годы в России высветилась и несостоятельность концепции развития экономики без моральных ограничений. Вопреки убеждениям доморощенных реформаторов выяснилось, что безнравственная экономика не может быть эффективной.

Таким образом, складываются новые предпосылки для востребованности интеллигенции и государством, и бизнесом. Но самое главное — существенно меняются настроения рядовых граждан. Оказывается, что материальные ценности при всей их привлекательности не могут в России заменять ценности духовные.

Но существует ли сегодня в стране истинная интеллигенция и способна ли она соответствовать новым вызовам эпохи? На эти вопросы нет простых ответов.

Как это часто бывает, желание осмыслить настоящее и попытки заглянуть в будущее, тем более на него повлиять, заставляют заново обратить свой взор в прошлое. В связи с этим **закономерен нынешний интерес общества и государства к идейному наследию академика Лихачева, его духовно-нравственному облику: Дмитрий Сергеевич не только больше всех сделал для осознания глубинной сути, общественной природы интеллигенции, но и сам стал ее общепризнанным олицетворением.** Не случайно Даниил Гранин в одной из своих публицистических статей назвал Дмитрия Лихачева последним российским интеллигентом. Слово «последний», как представляется, было произнесено с целью обострения полемики. Но даже если отбросить эту гиперболизацию, признание Лихачева в качестве своего рода эталона интеллигента несомненно.

Дмитрий Сергеевич Лихачев...

Есть люди, которые даже после ухода из жизни с течением времени становятся ближе, понятнее и роднее. Может быть, с возрастом и опытом мы меняемся к лучшему (если так, то жаль, что столь медленно). Может быть, большое действительно лучше видится на расстоянии.

Готовя к 100-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева издание двух его книг, я еще раз перечитал то, что вроде бы знал. Я много раз беседовал с ним, организовывал дискуссии с его участием, присутствовал при его выступлениях. Теперь вижу, что понималось мною далеко не все. Чтобы приблизиться к сути, потребовались годы научной работы и жизни. Но и сейчас, думаю, мое приближение является неполным. Удивительная простота высказываний и текстов академика содержат в себе и удивительную глубину.

Лихачев для сегодняшней науки нетипичен. Как насмешливо говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу. Это изречение

отражает одну из объективных тенденций развития современного научного процесса. Время ученых-энциклопедистов, кажется, безвозвратно ушло в прошлое. Это в минувшие века можно было быть физиком, химиком, биологом, математиком и геологом одновременно в одном лице. Теперь тот или иной ученый может посвятить всю свою жизнь, скажем, проблемам искусственного осеменения и весьма смутно ориентироваться в сути естественного. Даже нобелевские премии нередко дают за эффекты, первооткрыватели которых в момент свершений не имели ни малейшего представления о судьбоносных последствиях своих экспериментов. Обычно, представляя широкую аудитории действительно великих ученых, академиков (звание, по определению подразумевающее масштабность и широту вклада в науку), приходится добавлять: специалист в такой-то области. Что уж говорить о простых докторрах и кандидатах...

И все же **энциклопедисты появляются и в современную эпоху, среди нас**. Правда, распознать их не всегда удается сразу. Так и с Дмитрием Сергеевичем. Почти всю жизнь он занимался научными исследованиями по древнерусской литературе в качестве сотрудника Пушкинского Дома. И добился блистательных результатов, за которые был избран в Российскую Академию наук. Теперь его имя достойно запечатлено в истории отечественного литературоведения рядом с именами других звезд ИРЛИ: А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, А. М. Панченко, Н. Н. Скатова. Однако, помимо классического литературоведения, ученого интересовал и целый ряд других вопросов и проблем как близких этой области, так и достаточно далеких от нее.

В 1980-е годы, в особенности — в период перестройки, общественное мнение возвело Лихачева в ранг культовой фигуры общенационального масштаба благодаря его выступлениям в защиту культуры. Как говорит теперь Гранин, Дмитрий Сергеевич «был министром той культуры, которой власть не занимается»¹. Академик вступал в споры там, где власть проявляла невежество, и нередко одерживал победы благодаря научному авторитету, глубине своей аргументации и исключительной внешней простоте приводимых доводов, делавшей их понятными даже плохо образованным партийным функционерам.

В то время многие, считавшие себя не менее крупными учеными, начали завидовать его популярности. За глаза, намеками, недоброжелатели стали упрекать Лихачева в популяризаторстве в ущерб академизму. По сути — в легковесности. И только теперь, когда страсти поутихли, когда его работы оказались снова востребованы, когда появилась возможность обстоятельного ретроспективного анализа лихачевского

¹ Гранин Д. Он был министром той культуры, которой власть не занимается // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 23.

наследия, стала высвечиваться научная значимость, казалось бы, популяризаторских работ академика, выполненных им «на общественных началах». Более того, становится очевидным, что «второстепенное» — работы о культуре, искусстве и другие — как минимум не уступает признанному в академической среде, считавшемуся основным. В этих работах нет внешних признаков наукообразия: перегруженности специальными терминами, превращающей язык публикаций из русского в «птичий», цитат и примечаний, оформленных по специальным правилам и т. д. Но это никак не сказывается на научности сути, не умаляет масштаба лихачевских идей и концепций.

Происходит третье (после литературоведческого и общественного) признание Лихачева — как крупнейшего ученого-гуманитария и выдающегося российского мыслителя XX века.

Одной из самых ярких работ Лихачева стало его письмо «О русской интеллигенции» в журнал «Новый мир», опубликованное в феврале 1993 года¹. Напомню новому поколению читателей, о чем там говорилось.

В начале сам Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что направленный им в редакцию текст — «это — не статья, это именно письмо, в котором автор говорит, пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт»². Между тем в этом «разговоре» ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период при его живейшем участии.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден в том, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты. Из принятого в советское время определения не вызывало возражений, что **интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой**. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — **свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»**³. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму как специфическая черта русской интеллигенции: «Постоян-

¹ Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

ное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»¹.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»².

Статья в «Новом мире» — настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор»³. Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. «Два парохода понадобилось осенью 1922 г. ... чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»⁴.

Читая лихачевские описания этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно-историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых и потому чуждых их противникам взглядов. Интеллигенты же отстаивали хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. В этом плане гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени. Гонители интеллигенции же выступали против сформировавшейся ранее традиции, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолюдьми».

Выступая в «Новом мире», Лихачев выражал не только свои личные взгляды, но и в значительной степени идеи, вызревшие в 1980–1990-е годы в среде российской и, в особенности, петербургской интеллигенции.

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 371.

² Новый мир. 1993. № 2. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же.

Большое распространение они получили и в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Приход академика Лихачева в наш Университет в это время представляется весьма закономерным. Именно здесь ученый получил возможность реализовать свои научные интересы на завершающем этапе своей биографии. Здесь он обрел круг единомышленников, ту интеллектуальную среду, в которой в то время нуждался.

В 1993 году Дмитрий Сергеевич стал Почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Отношения Лихачева с Университетом были весьма многогранными. Они включали выступления перед студентами, участие в научных конференциях и дискуссиях, научные исследования. Дмитрий Сергеевич рекомендовал к нам на работу профессуру, консультировал в создании и поддержании университетских традиций, обсуждал стратегию развития СПбГУП и т. д. Близкие к ученому люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Университет становится в это время едва ли не единственным местом его систематических встреч с широкой аудиторией, своего рода трибуной, с которой он излагает свои взгляды профессуре и студенчеству, внимательно изучая отклик.

Постепенно в общение с нашим Почетным доктором оказались вовлечены широкие круги университетского сообщества. Включились в этот процесс и наши новые Почетные доктора, крупные фигуры из числа петербургской интеллигенции. В апреле 1999 года по инициативе Дмитрия Лихачева и Даниила Гранина нами был зарегистрирован «Конгресс Петербургской интеллигенции». В него вошли в качестве учредителей Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Создание Конгресса стало неким оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

Понятие петербургской природы взглядов Лихачева имеет масштабные и глубокие корни. Они — в сущностных чертах российской и петербургской культуры, к чему мне хотелось бы вернуться позднее.

В середине 1990-х годов нам с профессором СПбГУП Владимиром Триодиным удалось организовывать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием, пожалуй, самых крупных российских мыслителей того времени. Ученые — Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов, писатели Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожин и другие собирались для того, чтобы в своем кругу найти современные ответы на некоторые старые вопросы.

Как ни странно, первоначальный импульс диалогу придали французы. Генеральное консульство Франции в Петербурге предложило на-

шему Университету организовать вечер памяти Андре Мальро, в ходе которого петербургские интеллектуалы могли бы пообщаться с французскими. Инициаторы хотели привлечь международное внимание к наследию своего крупного писателя, общественного и государственного деятеля в связи с переносом его праха в усыпальницу величайших личностей нации — Пантеон. В России подобная дипломатическая инициатива была особо уместна в связи с тем, что Мальро считался большим другом Советского Союза. Эта встреча состоялась в октябре 1996 года. Общение оказалось настолько интересным, что превратилось в некий перманентный процесс. От значительного, но все же частного повода — судьба и творчество Мальро — практически сразу мы перешли к насущным и наболевшим российским темам.

Материалы этих дискуссий были опубликованы нашим Университетом в книге «Судьба российской интеллигенции» в 1999 году¹. Листая книгу и снова погружаясь в обстановку наших встреч, видишь немало любопытнейших высказываний и замечаний. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению»², потому что рефлексирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела³. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления»⁴, что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов»⁵. Игорь Бестужев-Лада поражал замечанием, что интеллигент — это воплощение Бога на Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент»⁶. Наиболее сильно мнения разделились по вопро-

¹ Судьба российской интеллигенции: сб. / СПбГУП. СПб., 1999.

² Чулаки М. М. Литература оказывает огромное влияние на власть // Судьба российской интеллигенции. С. 19.

³ Карлов Н. В. Интеллигенция и образование // Там же. С. 37.

⁴ Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Там же. С. 44.

⁵ Там же.

⁶ Бестужев-Лада И. В. Есть ли будущее у интеллигенции? // Там же. С. 64.

су целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Все это было исключительно интересно...

При большом различии и разнообразии взглядов, сошлись на том, что **интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью**. Образование без совести и независимости дает обществу иной типаж, смачно названный Солженицыным образованцем. Обычно образованцы пытаются выдавать себя за интеллигентов. Именно они льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента¹. Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI веков стал монах Максим Грек. В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. **Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание**. Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих словесных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода мешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Согласились и с тем, что **интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный слой изначально в Петербурге**. Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город «оказался не столько “окном в Европу”, сколько “воротами из Европы”, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россия»². Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей.

Вспоминали и высказывание Н. А. Бердяева о том, что «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства»³. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. С. 32.

² Каган М. С. Образованные люди с большой совестью // Там же. С. 80.

³ Бердяев Н. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К⁰, 1997. С. 236.

духовно нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как справедливость, истина, красота, вера, совесть и т. д.

Было отмечено, что с самого начала **российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания**. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако русская интеллигенция всегда имела собственные символы веры, внутреннюю дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться эгоистически и равнодушно в узких границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней как о разуме и совести нации. Спрашивать, зачем России нужна интеллигенция, то же самое, что спрашивать, нужна ли ей совесть. Общепринятых ответов на подобные вопросы не существует.

Вспоминая минувшее, не могу не отметить, что встречи эти проходили в обстановке исключительного демократизма и взаимного уважения. Все выступавшие пользовались к тому моменту заслуженной репутацией интеллектуальных светил общероссийского масштаба. И все же каким-то совершенно непостижимым образом Дмитрий Лихачев выделялся из этого ряда. Он вполне конкретно и наглядно опровергал слова Михаила Чулаки, проявляя харизму, правда, харизму совершенно особого рода.

Каждая встреча с Лихачевым была Событием. Дмитрий Сергеевич всегда приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа, и он нередко сидел все это время молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил две-три минуты, но сказанное им потрясало. Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он все так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Я лично верю в случайность в истории. То есть я верю в

волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет¹. Зал был битком наполнен профессурой, и все слушали, затаив дыхание. Несмотря на существование философской традиции, содержащей подобную точку зрения, такое публичное заявление прозвучало как открытие. Казалось, звучит голос не человека, а какого-то высшего разума, вселенской мудрости.

Ближе всех к Лихачеву в плане впечатления, производимого на аудиторию, является Даниил Гранин. Между тем характерно, что в обывательской жизни эти люди никак не дистанцируются от простых смертных. Похоже, что мудрость для них просто вполне естественное состояние, как для иных жадность или идиотизм.

Что представляют собой взгляды Лихачева на интеллигенцию? Личные взгляды авторитетного для нас человека, действительно выведенные им из собственного опыта, как пишет в «Новом мире» Дмитрий Сергеевич? Умозаключения мыслителя? Либо это все же научно обоснованные результаты ученого? Думается, верно последнее, поскольку **лихачевская концепция интеллигенции как специфического для России социально-культурного феномена вытекает из всего его предшествующего опыта культурологического анализа. На интеллигенцию Д. С. Лихачев смотрит как на явление культуры, как на результат культурного развития.**

Лихачев изучает культуру, а не только историю культуры. Принципиально, что его взгляд на любые рассматриваемые им явления предполагает изучение и оценку их в контексте культуры. Другое дело, что при этом его взгляд многомерен. И временная, историческая плоскость анализа — лишь одна из многих.

У Дмитрия Сергеевича, безусловно, есть свое целостное видение сущности культуры России. Эта целостность разворачивается сразу в нескольких векторах. Во-первых, в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. В частности, ученый рассматривает религиозно-философские взгляды и быт, культуру и искусство, язык и нравы, обычаи и право и так далее — словом, все, что создано руками и разумом человека. А затем еще и включает в поле зрения природу. И анализирует взаимосвязь природы и человека. Во-вторых, Лихачев анализирует культуру в динамике ее исторического становления и развития. И обнаруживает себя тончайшим знатоком как основных этапов культурной жизни, так и особенностей

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2007. С. 70.

поведения культуры на исторических изломах ее развития. В-третьих, академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры. Здесь он выделяет своего рода культурные комплексы и анализирует их взаимовлияние и эволюции.

По мысли Лихачева, интеллигенция — это одна из вершин развития европейской христианской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейского культурного течения. И совершенно не случайно этот особый в ряду отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге.

Работы Д. С. Лихачева помогают нам лучше представить и возможную судьбу феномена интеллигенции.

Без сомнения, во власти сегодня есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. Тем не менее чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится — дискредитировать. Бизнес же, разумеется, пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией примерно так же, как новые русские со своими секретаршами в первой половине 1990-х годов.

Думается, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей образованцев, но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX века. В его первой половине интеллигенция уничтожалась не экономически, как сейчас, а тотальными репрессиями. Казалось, согнули, сломали, подчинили, приручили. Но дело кончилось тотальным крушением режима. И кто был всем — стал ничем.

Вместе с тем интеллигенции присущи не только положительные, но и отрицательные качества. Многие упрекают ее в пустословии, псевдогуманизме, рефлексивности там, где требуется действие, и многом другом, за что интеллигенция в устах своих оппонентов получила эпитет «гнилая». Впрочем, может быть, справедливее переадресовать эти упреки образованцам.

И все же с точки зрения законов дарвинизма интеллигенция нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. В ее поведении сказывается и противоречивый характер российского суперэтнуса — способность легко увлекаться яркими идеями и неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация — не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 1960–1980-е годы,

не будучи подкрепленным предвидением хода перемен и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

Есть и иные проблемы: интеллигенция была объектом свирепого геноцида на протяжении всего периода своего существования. Такое не проходит бесследно. К тому же **нарушены процессы воспроизводства интеллигенции**. Прежде всего, ее перестали воспроизводить многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и образованщины. Сегодня **мы являемся свидетелями стремительного вырождения в молодежной среде сословия новых мещан** — людей, стремящихся к безбедному и бесконфликтному существованию в социальной структуре общества. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

Истошение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого образованцев...

По Лихачеву, гражданская позиция интеллигента должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо — надо быть вместе с ней. В противном случае — находиться в оппозиции. Борьба за власть и идти во власть — не дело интеллигенции. Пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности или поражением.

Очень интересны в связи с этим следующие замечания Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных. <...> Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины... то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции»¹. Интеллектуальная свобода — всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента.

Может ли быть найдена новая формула использования интеллигенции — не в корыстных интересах власть имущих, а на благо общества и государства? Пока неизвестно.

Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть страны. Другой сценарий развития — превращение российского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов. Вопрос о судьбе российской интеллигенции остается пока открытым...

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 38–39.

3.2. ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА, КУЛЬТУРЫ, НАУКИ*

3.2.1. О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Ряд работ Д. С. Лихачева о русской культуре связан со стремлением осмыслить духовный облик русского народа, наиболее важные черты национального характера, его достоинства и недостатки, понять особенности общественных отношений и жизненных ценностей русского человека. Дмитрия Сергеевича интересовало, можно ли «заглянуть» в русскую душу сквозь глубины истории, обнаружить ее основное ядро, определяющее отношения с природой и обществом. Насколько справедливы суждения «о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, “загадном” и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (и, в сущности, недобром)»? — так ставит вопрос Д. С. Лихачев в книге «Заметки о русском»¹.

Он не случайно включается в полемику по столь острому вопросу. К размышлениям побуждали как многолетние исследования истории древнерусской литературы, так и необходимость ответов на письма читателей, душевные волнения, выразившиеся в заметках на полях прочитанных книг. Академик Лихачев пишет отзывы на рукописи, фиксирует мысли в записных книжках. По сути, **он находится в непрерывном диалоге с русской культурой**, в которой живет удивительной, насыщенной жизнью. Это определило композиционную и стилистическую особенность размышлений Дмитрия Сергеевича, их полемическую остроту и непосредственность. Ученый отмечает, что речь идет о его собственном восприятии русского национального характера, которое окрашено индивидуальным отношением. Но именно поэтому оно особенно ценно для россиян. Попробуем последовать за мыслью Д. С. Лихачева, понять смысл его суждений о русском национальном характере.

В историческом процессе формирования национального характера особое значение имеет отношение русского человека к природе. Для русского народа широкое пространство родной земли, простор

* Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП С. Н. Иконниковой и В. Г. Ивановым.

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 7.

полей, даль лесов, высота небес прочно вошли в родной язык, отразились в фольклоре. Слова «природа», «Родина» «родник», «народ», «родственник» имеют общий корень. «Широкое пространство всегда владело сердцами русских»¹, — отмечает Дмитрий Сергеевич. Природа русскому человеку нужна большая, открытая, вольная, просторная, с огромным обзором. В этих просторах можно дышать полной грудью, чувствовать над собой небо, двигаться беспрепятственно в разные края. Символом этого восприятия становится и колокольный звон на дальние расстояния, и быстрая езда на «птице-тройке», и протяжная песня, и удалая пляска. В русском характере запечатлен восторг перед открытой далью, тоскливое страдание от закрытости и ограниченности взора, узости и тесноты.

Природа имеет свою внутреннюю структуру и закономерности существования, познать которые стремится человек. Это выражается в том, что сама природа живет сообществом, природа по-своему как бы социальна. По Лихачеву, «отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему “социальна”, общезначительна, обладает своими “правилами поведения”. И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития»². Культура природы выражается в соседстве растений и деревьев, их высоте и густоте, близости к водоемам. Живая природа имеет свои мудрые законы, свое время — биологические часы. Человек всегда всматривался в мир природы, стремился разгадать ее тайны, подражать ее мудрости. Это отношение воплотилось в крестьянском жизнеустройстве, языческих ритуалах и обрядах, верованиях и хозяйственном укладе. Русский человек не просто наслаждается видами природы, но живет в согласии со всем земным окружением. Именно поэтому **отношение к природе становится стержнем национального характера.**

Восточно-Европейская равнина кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть путями сообщения, с покатыми холмами и густыми лесами. Хозяйственная деятельность крестьянина органично и бережно вписывалась в окружающую природу. Русский человек создавал эстетику параллельных линий пашни, плотно укладывал бревно к бревну при постройке избы, ровнял границы поля, освобождая его от камней, создавал плавные переходы от леса к реке. Глаза его наслаждались покоем и равновесием родной земли. Ритм параллельных линий продолжался в сельских и городских поселениях со строем улиц и рядами домов, садами и огородами, рекой или прудом, мостовыми и мостиками. Родная земля любовно запечатлена в иконо-

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 10.

² Там же. С. 18.

писи, русской пейзажной живописи, прозе и поэзии, хоровой музыке, вышивке, керамике, глиняной и деревянной игрушке. Русские художники наслаждались цветовым богатством осенней листвы, графическим узором зимних деревьев, оттенками водных и небесных просторов. Любовь и восхищение родной природой — черта национального характера.

Не случайно в описании облика и топографии Петербурга Д. С. Лихачев выделяет четко выраженные горизонталы: линию соприкосновения воды и земли на всем протяжении набережных Невы; четкую линию домов, границу соприкосновения крыш и неба. Именно эти горизонталы создавали необычайно открытую перспективу исторического центра, которая является таким же памятником, как и архитектура в целом. Органичны и вертикали — перпендикуляры знаменитых шпилей и куполов соборов. Все это создает уникальную композицию, позволяющую любоваться дивной красотой городского пейзажа.

По Лихачеву, вся историческая жизнь страны должна входить в круг духовности человека. «Ценить в себе подлинную связь со своим селом, городом и страной, сохранять и развивать в себе благую сторону, добрые национальные черты своего народа, развивать глубокую ментальность, чутье языка, знание истории, родного искусства и прочее»¹, — призывает ученый.

Но природа не только расположена к человеку, но и таит опасности, стихийные разрушения, пожары и наводнения, засухи и морозы. **Русский человек должен был искать защиты, уметь выживать в сложных жизненных обстоятельствах.** Русские люди испокон веков искали защиты в храме. Для церкви выбиралось самое видное место, их ставили на пригорках, в единении с природой, любили некрашеное дерево, теплое и нежное в прикосновении. «Когда пугало обширное пространство русской равнины, — пишет Д. С. Лихачев, — человек ставил на самых высоких местах, на крутых берегах рек и даже среди болот высокие церкви. Церкви населяли обширный мир. Это подавляло страх одиночества»².

Православие имело защитный смысл, содержало значение «оберега», хранения близких и дальних, мира в целом. Грандиозные храмы на границах Руси знаменовали уверенность и готовность к сопротивлению. **Защитный смысл веры** воплотился в молитвах, почитании святых. Православие было источником просвещения народа, распространения грамотности и знаний, давало нравственную опору. Оно создавало традицию почитания Слова как мудрости. Молитвы многократно

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 31.

² Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 6.

повторялись, любимые изречения тщательно выписывались, они направляли на путь истинный повседневное поведение человека. В иконописи проявились многие национальные черты: прощение грешников, заступничество слабых, доброе отношение к ближнему и дальнему, своему и чужому. В миниатюрах и клеймах икон из уст праведников поднимаются легкие облачка, на них красиво написаны изречения, жизненные напутствия и поучения. Эти тексты многократно повторялись, запоминались, подобно заповедям, и были священными.

В написании святого образа «русский тип лица сочетается <...> с проявляющимся в нем национальным складом русского характера»¹, — отмечает Д. С. Лихачев. Представления о человеке, его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте воплощены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах, в лицах, озаренных внутренним светом «горнего ума». Это особое свечение лиц получило название «ликования», означавшего в Древней Руси не только изображение ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение. Удивление перед человеческим лицом — «ликом» — пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Основные части храма названы по подобию человека: купол — глава, окна — очи, выступы в стенах — перси, двери — уста. Солнце тоже изображалось имеющим «лик». Культурно-исторический смысл понятий «лик», «лицо», «личина» (маска) многократно менялся в истории русской культуры. В православии лицо человека всегда воспринималось как «зеркало» души, противоборства Добра и Зла, Бога и Дьявола. Лик — как свидетельство торжества над грехом, внутреннего и внешнего преображения, достижения святости. Личина (маска) выражала подчинение человека силам зла, лишение его живительных духовных источников, нравственное падение. В художественном изображении отразились представления русского человека о многообразии личности. «Среди ликов Древней Руси есть лики мудрые страданием, мудрые знанием и книжной мудростью, мудрые мужеством и мудрые силой, мудрые жизненным опытом и мудрые дерзостью юности, мудрые смирением и мудрые пониманием других людей, мудрые предвидением будущего и мудрые добротой, и мудрые просто мудростью»², — заключает Д. С. Лихачев.

Человек — это микрокосм, и бесконечное многообразие человеческой индивидуальности воплощается в единстве национального характера. Православная религия «выстраивалась» созвучно русской душе и в свою очередь оказывала влияние на национальный характер народа. Средневековый символизм на иконах дополнялся светлой грустью, со-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 120.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 50.

чувствием к страданиям, раздумьями о судьбах мира, нежной любовью друг к другу. Христианское учение о Боге сочеталось с пантеистическим признанием проявлений божества повсюду в реальном мире. Православные святые были покровителями в воинских сражениях, учили возделывать землю, приручать животных, просвещали народ. Церковь была включена в повседневную жизнь русского народа.

Религиозность как черта национального характера была лишена крайних форм фанатизма и богоборчества, сохраняла терпимость к иным конфессиям. Особенно тесной была связь славянских народов в эпоху русского Предвозрождения. Русские читали болгарские и сербские произведения как свои: «Южно- и восточнославянские литературные языки, церковнославянские в своей основе, еще не достигли такой дифференциации, при которой они могли восприниматься как различные языки <...> Сознание восточно- и южнославянского единства не было только идеей, оно было практическим результатом полного взаимного понимания южных и восточных славян — языкового, религиозного и культурного»¹. Это единство не было «остатком» былой общности. Укреплению содействовали: введение единой орфографии и стилистических приемов, переезды из страны в страну писателей, художников, ремесленников, церковных деятелей, создание единого умственного движения и связанной с ним единой религиозной, философской и художественной литературы. Вот чем объясняется удивительный феномен «славянского братства» и общих черт национального характера.

Осознанная любовь к своему народу не противостоит в русском характере другим нациям, а только усиливается добрым расположением к ним. Испокон веков на Руси всегда жили многие народы. Они отличались по языку и вере, образу жизни и обычаям. Но всегда их окружала атмосфера миролюбия и открытости. В середине XI века русский митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» — замечательном произведении древнерусской литературы — говорит о равноправии народов, ибо они совершают общее дело для человечества. «Выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы»², — отмечает академик Лихачев.

Миролюбие, открытость для общения воплотились в «соборности» как черте национального характера. Этим понятием выражается своеобразная форма общности, коллективности, стремления жить и делать дело сообща, «всем миром», вместе переживать радости, приходить на помощь другому в беде, совместно решать возникающие проблемы. Соборность означает также «собранность» в единое сооб-

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 161.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 41.

щество, многократно усиливающее возможности людей в утверждении добра и в противостоянии злу. Поэтому столь ценились силы центристско-ремительные, объединяющие народы, и столь же опасными признавались центробежные силы, ведущие к утрате единства.

Символом соборности был обычай «водить хоровод», петь хором. Само слово «хороший» имеет значение «добрый». Это стремление к единству, сплоченности, потребность во взаимной поддержке, сотрудничестве, «чувстве локтя» пережило все временные границы, стало сознательным принципом жизни. Ненависть и недоброжелательство, агрессивность к другим народам не только опасны, ибо ведут к конфликтам, но они разрушают нравственность своего народа, распространяют зло. «Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, *активно* миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям»¹, — делает вывод Д. С. Лихачев. Национализм — проявление слабости нации, а не ее силы. Великий народ со своей большой культурой и национальными традициями «обязан быть добрым», — подчеркивает ученый. Великий народ должен помогать малочисленному народу сохранить себя, свой язык, свою культуру. Национализм, отгораживаясь от других культур, губит и иссушает свою культуру. Особенно важно взаимодействие русской, украинской и белорусской культур, которые имеют общий корень, творчески усваивают и перерабатывают на свой лад достижения соседей. **Славянское единство и взаимопонимание — черты национального характера русского народа.**

В формировании русского национального самосознания большую роль играли политическая власть, православная церковь, язык и литература, фольклор, обычай и традиции. Это были **скрепляющие основы русской культуры**, соединяющие между собой пространства русской земли. Интересно, что по своему происхождению русский литературный язык был староболгарским и потому понятным для многих славян. Летописные своды, записанные в разных местах, присоединялись друг к другу, были вполне понятны. Д. С. Лихачев отмечает роль интенсивного обмена посланиями, летописными сочинениями, проповеднической литературой, бытовыми сообщениями и сведениями, которые способствовали национальному единению. «Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. <...> Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной»², — указывает Дмитрий Сергеевич. В истории Руси было

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 41.

² Там же. С. 47.

немало сложных периодов внутренней борьбы и защиты от иноземных нашествий. Поэтому в национальном самосознании во все времена существовал идеал воина, запечатленный на фресках, мозаиках, иконах. В воинских изображениях отразилось благочестие и преклонение перед мужественным подвигом защитника Отечества, воинской честью и достоинством, воинской осторожностью и мудростью. Интересно, что в одном ряду с воинством стояли и праведные «книжники»: если воины изображались с оружием, мечом и щитом, то проповедники — с книгами или свитками.

Национальный характер включает множество черт сознания и поведения людей в разных исторических ситуациях, образов и изображений в искусстве и литературе. В национальном характере отразились не только высокие нравственные идеалы, но и многие отклонения, пороки, злонамеренные черты. В церковном обращении XV века были такие наставления: «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объедения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы»¹. Национальный характер проявляется по-разному в различных социальных группах и исторических условиях. **Идеализировать национальный характер было бы неверно.** Наряду с позитивными качествами — добротой, отзывчивостью, великодушием, смелостью, состраданием, простотой и открытостью в национальном характере отмечают разгильдяйство, лень, пьянство, халатность, безответственность, покорность, расчет на «авось». **В русском характере совмещаются противоположные черты:** доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение с национальной гордыней и шовинизмом. Д. С. Лихачев называет такое противоречивое соединение «поляризованностью русского характера»².

Характеризуя русского человека, говорят о его безудержности, метаниях из одной крайности в другую, бескомпромиссности. Амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Атакам зла подвергались высокие духовные ценности: соборность и терпимость, свобода и открытость. Русскую культуру постоянно терзали взаимная вражда, тирания. Истории известны коварные способы борьбы, сопровождавшиеся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями. Внутренние распри и вражеские нашествия влияли на характер народа, ограничивали проявления гуманизма. Многовековая русская история прошла под знаком тревог, волнений, восстаний, войн, революций, которые отложили отпечаток на национальный характер народа. Именно поэтому в народе было распространено сочувствие той власти, которая способна дать защиту и «тишину». В разных

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 144.

² Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Там же. С. 191.

вариантах и пропорциях подобные настроения и качества есть и у других народов.

Национальный идеал и национальный характер не полностью совпадают. Добро и зло вовсе не уравнины, добрые качества во много раз ценнее и весомее зла, считает Д. С. Лихачев. Зло — коварно и вероломно, стремится разрушить самое ценное в культуре, действует целенаправленно, как будто обладает сознанием и волей. Оно избирает наиболее ценные сферы русской культуры и ведет на них наступление. Неоднократно подвергалось таким атакам земледельческое трудолюбие, национальная доброжелательность и открытость, крепость семейных отношений. «Мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры»¹, — утверждает в связи с этим академик. Это положение является особенно важным и принципиальным в оценке национального характера русского народа. Русские писатели, публицисты стремились избавить человека от душевной узости, невежества, материальной скупости и жадности, от мелкой злобы и личной мстительности, бестолковой суетности и злобности. Осуществление идеалов всегда пробивается сквозь толщу повседневных забот и может оказаться в противоречии с их направленностью. Но без этих высот народ теряет энергию движения и смысл деятельности.

Наряду с отчетливым своеобразием, в русском национальном характере воплотились основные духовные ценности европейской культуры. «Мы должны быть русскими европейцами»², — подчеркивает Д. С. Лихачев. Это утверждение опирается не столько на географическую общность и территориальную принадлежность к Европе, сколько на духовную общность культурного склада сознания и мышления. Прочитируем еще раз: «Русская культура, — отмечает Дмитрий Сергеевич, — всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе»³. Указанные принципы определяют контуры русского национального характера как целостного выражения основных ценностей европейской культуры.

Национальный характер относится к числу наиболее сложных, загадочных и противоречивых явлений русской культуры. Многочисленные споры и дискуссии, разные мнения лишь подчеркивают его трудноуловимость. И вместе с тем отказаться от этого понятия невозможно. Оно существует в русском языке и литературе, православной вере и

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. С. 36.

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 360.

³ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 366.

символах, особенностях культурного пространства и образа жизни, стиле общения между людьми и отношении к другим культурам. Национальный характер способен поворачиваться разными гранями, непохожими и не совпадающими по форме проявления. Четкость и прозрачность может обернуться размытыми контурами и неожиданными действиями. Размышляя о природе общих понятий, концептов русской культуры, Д. С. Лихачев считает подобные универсалии особым типом мысленных образований, которые «замещают» множество реальных явлений. Это позволяет в определении русского национального характера отвлечься от индивидуальных форм, оставлять возможность для дополнений, домысливания, сотворчества. Такой подход дает возможность избежать претензии на истину в понимании сложного социального и культурного явления.

Национальный характер как концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от индивидуального опыта и исторической ситуации. Тем не менее как понятие он включает всю сложность реальных отношений, проявляется в значениях языка, стереотипах сознания и поведения, символах и ценностях русской культуры. Русский национальный характер сложился исторически, прошел испытания «на прочность», не растворился в других культурах, сохранил достаточную определенность и узнаваемость и является ценным достоянием народа.

3.2.2. ПРАВСТВЕННОСТЬ ДАЕТ СВОБОДУ

В жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева **нравственность, свобода и патриотизм составляли неразрывное целое.**

В основе нравственности, по Лихачеву, лежит ограничение, которое начинается со слова «нельзя». Нравственность ограничивает произвол, который неразумие легко смешивает со свободой, подменяя принцип «я должен» принципом «я хочу».

Там, где существует культура самоограничения, наступает возможность и для существования подлинной нравственности как свободы мыслить и поступать. И Дмитрий Лихачев, с молодых лет воспитавший в себе подлинного интеллигента, был свободным человеком, даже находясь в заключении.

Нравственность в понимании Д. С. Лихачева изначально противостоит идеологии как тому, что навязано извне, потому что подчиняет человека, превращая его в марионетку, в «винтик», которого, пожалуй, можно назвать принципиально безнравственным. И точно также нравственность противостоит власти, в какой бы форме — деспотичной или демократичной — она ни проявлялась. Цель нравственной свободы — деятельное добро, которое проявляется в любви к человеку, в уважении достоинства и чести человека. Добродейание есть сама суть нравствен-

ной свободы. К деятельной любви призывает Христос, говоря: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Сознательная сила добра проявляется многообразно и всесторонне, что находит свое выражение в «языке добра»: милосердие, жалость, ласковость, забота, внимание, понимание...

Со студенческих лет до последних дней жизни Д. С. Лихачев мыслил и поступал нравственно свободно, каждый раз, особенно при сложных и непредсказуемых поворотах истории, занимая собственную позицию, независимо от того, совпадала ли она или (что было чаще) расходилась как с официальной точкой зрения, так и с общепринятой. Поэтому можно сказать, что главный нравственный урок, преподанный и завещанный нам Дмитрием Сергеевичем, — жить в согласии с собственной совестью, не кривить душой, не «приспосабливаться к обстоятельствам», не оправдывать себя ссылками на то, что «такое было время» и «так поступали все». Д. С. Лихачев постоянно подчеркивал, что в жизни у каждого человека обязательно должно быть одно правило — **прожить жизнь с достоинством**¹.

XX век был веком жестоким, вызвавшим крутые перемены в мире и, пожалуй, особенно — в жизни России. Эти перемены спровоцировали кризис морали. И здесь вполне уместен вопрос: какой морали? На смену морали «гнилой интеллигенции», пришла революционная, марксистская, которая, по словам В. И. Ленина, не содержит «ни грана этики», получившая название «коммунистическая», основанная на принципе детерминизма в теории, а на практике нашедшая свое выражение в классовой борьбе. Новое, марксистское познание морали изначально отрицает ее «беспартийный», внеклассовый, общечеловеческий характер.

В полном соответствии определяющим принципам классовой морали формулируется лозунг, озвученный Максимом Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают». Эта новая, подробно охарактеризованная В. И. Лениным на III съезде комсомола мораль, получившая партийно-государственную поддержку после программного требования В. И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»², — становится целью системы коммунистического воспитания.

Система воспитания, опирающаяся на идеалы коммунизма, на революционный энтузиазм трудящихся, не только «певших на собраниях» Интернационал, но веривших: «Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был никем, тот станет всем», десятки лет формировала строителей коммунизма, готовых во имя прекрасного будущего выдерживать суро-

¹ См., напр.: *Лихачев Д. С. Письма о добром*. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 15.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 41. С. 309.

вую действительность настоящего. Борьба на фронтах Гражданской войны, преодоление разрухи, восстановление на новых началах экономики, героизм первых «пятилеток», успехи советского народа способствовали укреплению морали, названной коммунистической.

«У советских собственная гордость — / На буржуев смотрим свысока!» — утверждал «лучший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. Даже его самоубийство рассматривалось как нелепая случайность (со ссылкой на его же слова: «Кто, я застрелился? / Такое загнут!»)

Вера в идеалы коммунизма, в возможность построить «бесклассовое общество», не только подкреплялась советской идеологией, реальными достижениями СССР, но и верой в непогрешимость вождя и учителя — никто не сомневался в том, что у нас к 1940 годам были построены «основы социализма», затем — «социализм», и наша страна оказалась по своим социальным достижениям «впереди планеты всей». Эта вера помогла выстоять в самой жестокой из войн XX века — Второй мировой, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной...

Однако именно в суровое пятилетие 1941–1945 годов, сначала подспудно, как дополнительный идеологический момент, **возродился старый русский патриотизм**, озвученный в словах Сталина о «великих предках» — Суворове и Кутузове. Начавшееся возрождение, восстановление исторической памяти закрепляется в послевоенные годы. Новый подход к изучению истории и литературы, осмысление, а затем и закономерно приходящее чувство гордости за нашу тысячелетнюю (более того — двухтысячелетнюю) историю плавно и как бы незаметно «растворяет» советский патриотизм в патриотизме русском. В 1950-х годах система коммунистического воспитания претерпевает существенные изменения: **восстанавливается в правах теория нравственного воспитания** — этика, разумеется, марксистско-ленинская. **Потребовалось еще около тридцати лет, чтобы, освободившись от идеологического ограничения, этика как наука о нравственности и морали вернулась — окончательно — к своему общечеловеческому содержанию. Таков исторический урок, который необходимо усвоить и запомнить.**

Очевидно, что с уровня современного нравственного и этического развития в начале XXI века легко обличать ошибки, просчеты, заблуждения на разных временных этапах XX века. Но общество нуждается не в подобного рода упражнениях, а в осознании истин, выстраданных историческим развитием. И поэтому прав Д. С. Лихачев: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накопленный» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками»¹.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 147.

Д. С. Лихачев в размышлениях о нравственности менее всего похож на классного руководителя, который обличает, выговаривает, наставляет, напоминает о правилах поведения. Правда, в конце книги «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич счел необходимым объяснить свою позицию: «Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только “учил”, но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам»¹.

Следует сказать и о языке размышлений Д. С. Лихачева. Он ясен, прост, понятен каждому, кто читает его книги. Не случайно в своих размышлениях ученый постоянно обращается к русскому языку: «Самая большая ценность народа — его язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык»². Русский язык — один из совершеннейших языков мира.

Бедность языка, языковая неряшливость, порча языка — по Лихачеву — показатели невоспитанности, отсутствия культуры. Отношение к языку воспитывается с детских лет, и Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивает роль родителей и учителей начальной школы: именно повседневное общение формулирует культуру речи детей и подростков. Но от примеров Д. С. Лихачев всегда переходит к обобщениям. И в «Письмах о добром» он говорит о филологии: «филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук. <...> Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура»³.

Так, переходя от слова к филологии, Д. С. Лихачев переходит к культурному смыслу филологии, к ее роли в накоплении ценностей культуры. И вполне закономерно — к ее нравственному значению: «Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым ста-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 176.

² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 477.

³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 170–171.

новится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и пространстве <...> Филология сближает человечество <...> и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий <...> их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам»¹.

Нравственность, нравственное пронизывают все размышления Д. С. Лихачева, они оказываются не чем-то извне приложенным, прибавленным к его лингвистическим, философским, культурологическим суждениям, но органично им присущим. Дмитрий Сергеевич **связывает нравственность и культурный кругозор**; более того, для него эта связь — нечто само собой разумеющееся: «...каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. <...> ...Будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»². Нравственность содержится в культуре, более того, «беснравственная культура» — словосочетание столь же бессмысленное, как «деревянное железо».

А как связаны нравственность и религия? Достаточно долго, почти все XX столетие, у нас повторяли слова К. Маркса о том, что религия — опиум для народа, человек верующий считался человеком «отсталым»; во всех высших учебных заведениях читались курсы по «научному атеизму». К концу XX века ситуация существенно изменилась: было признано, что **вопрос о вере — сугубо личный вопрос для каждого человека**. Но для академика такая постановка этого вопроса означает не столько даже признание свободы человека в вере, сколько осознание его ответственности за самостоятельное духовное самоопределение.

Д. С. Лихачев был глубоко верующим — и говорит он об этом прямо «Быть верующим — значит, выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 172.

² Там же. С. 173.

детства. <...> Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности. Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах»¹. Содержащееся в религии нравственное начало объединяет людей.

Для Д. С. Лихачева жизнь имеет смысл только как увеличение добра: «А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. <...> Большая цель добра начинается с малого — с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов»².

Особенностью этических взглядов, нравственных принципов, повседневного поведения академика была их **историческая соотнесенность**. То, что в них миг и вечность оказались нераздельны. Любая конкретная, сиюминутная нравственная оценка, нравственное суждение имели прочное историческое основание, а каждое историческое событие — современную нравственную оценку.

Приведем всего два примера. «Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то партийной линии»³.

И второй: «Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»⁴.

Завершает Д. С. Лихачев рассказ о мужестве тех, кто не запятнал честь русского интеллигента взволнованно и с глубоким уважением: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной совет-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1994. С. 224–225.

² Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 10.

³ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 624.

⁴ Там же. С. 621.

ской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков. <...> Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полунинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смее утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полужнаиства. Полужнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужнаиками на улицу!»¹

С глубоким уважением говорит Дмитрий Сергеевич о А. А. Мейере, замечательном русском философе (1875–1938), семь лет проведенном в лагерях, но не эмигрировавшем, который «собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве»².

Д. С. Лихачев убежден в том, что **человек интеллигентный это, прежде всего, нравственный человек**. Впрочем, столь же твердо и обратное суждение: подлинно нравственный человек всегда интеллигент, ибо для него мыслить и быть нравственным — одно и то же.

И вновь — о репрессиях, но уже в «Воспоминаниях»: «Это теперь только отмечают как “особые” 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. “красного террора”, а потом, как бы пульсируя, усиливались — усиливались в 1928-м, 1930-м и т. д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим “работникам” (например около “Большого дома” в Ленинграде). Как же можно было не знать о терроре? “Незнанием” старались — и стараются — заглушить в себе совесть. <...> А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!..»³

Нравственность, вера и сила мысли в единстве образуют духовный фундамент человека, достойного называться человеком. Академик от-

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 620–621.

² Там же. С. 621.

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 293.

рицает даже возможность какого-либо компромисса в нравственных отношениях. Здесь только либо-либо: либо нравственный, то есть достойный звания «человек», либо безнравственный (а имя таким — легион: ловчила, лжец, приспособленец, хам и т. п.), по сути не достойный называться человеком. И — никаких переходов: «немножко нравственный», «немножко безнравственный» — все смягчающие формулировки лишь прикрытие безнравственной сущности.

Нравственный человек добр в поступках, но суров в суждениях и оценках. Доброта, однако, отнюдь не «добренький», «всепрощающий», «ссылающийся на то, что человек слаб, надо быть “снисходительным”». Строгость нравственной оценки сближает позиции Д. С. Лихачева и поэта Константина Симонова, который в стихотворении «Друг-приятель» столь же бескомпромиссен.

И это не случайно: в дружбе нравственная ценность личности проявляется не только наиболее ярко, но и обретает исключительность: настоящая дружба — на всю жизнь. Недаром в фольклоре, в народных сказках, пословицах и в народной мудрости прославляется настоящая дружба.

Важным нравственным качеством дружбы, и не только дружбы, — **нравственным качеством человека является постоянство и связанная с ним надежность**. Когда, при обсуждении кандидатуры на ответственную и беспокойную должность, скажут: «Он не подведет, он человек надежный», — это будет одной из самых существенных оценок.

Главное в воспоминаниях и размышлениях Д. С. Лихачева — человек. На страницах его книг оживают не некие «тени прошлого», а люди, как правило, нравственно близкие, созвучные автору. И если он время от времени сетует на свою память — то именно там и тогда, когда не может вспомнить имени встретившегося ему на долгом, трудном и благородном жизненном пути человека, достойного доброй памяти.

Вспоминая сложные предвоенные и послевоенные десятилетия, Дмитрий Сергеевич подчеркивает: «“Проработки” 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были, в какой-то мере, тенью показательных процессов конца 30-х гг. и учитывали их “опыт”. Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками и прочей интеллигенцией»¹. Один из ярких примеров — яростная борьба с «морганизмом-менделизмом» (то есть с генетическим учением) на биолого-почвенном факультете ЛГУ в 1948–1950 годах. Виднейшие ученые — профессора, подобные Гербилюскому и Полянскому, были подвергнуты публичному осуждению и изгнаны с факультета, где на некоторое время господствующее положение заняли воинствующие невежды, подобные — недоброй

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 359.

памяти — поддержанным философам-догматикам, имена коих еще до конца XX века канули в Лету... И нечто подобное — менялись лишь имена — происходило и на других факультетах, особенно гуманитарных: философском, историческом, филологическом, всюду оказывались «свои»: либо настоящие ученые, либо псевдоученые, но «мастера проработок» и приписывания «идеологических диверсий»... Нет худа без добра: поскольку все «проработки» шли на партийных бюро и партийных собраниях, а «застрельщиками» оказывались коммунисты, уже в те годы началась объективная дискредитация коммунистической партии. Годы, внешне казавшиеся годами ее всемогущества, на самом деле обнаружили ее слабость. Сегодня, вспоминая события тех лет¹, можно сказать, что прав был Д. С. Лихачев: без нравственного фундамента не может быть настоящей науки, как гуманитарной, так и естественной. А «нравственный фундамент» — не абстракция, а люди науки. И академик не случайно вновь и вновь говорит об ученых, которые были образцом нравственности. Вот его отзыв о своем старшем товарище в науке — Варваре Павловне Адриановой-Перетц: «Варвара Павловна <...> уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов [имеется в виду создававшийся В. П. Адриановой-Перетц Сектор древнерусской литературы в Ленинградском филиале АН СССР]. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе <...> Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца к своему учителю, Варвара Павловна придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не прощала измен своим руководителям, хотя бы и мелких»².

По словам Д. С. Лихачева, В. П. Адрианова-Перетц была настоящим воспитателем молодых ученых — «Она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого, соединить в своем лице две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего»³.

В рамках движения за сохранение культурного наследия России в одном ряду с В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым можно назвать и М. Ростроповича, и Г. Вишневу, и А. Солженицына, и И. Бродского, и в некотором роде А. Галича, о чем свидетельствуют

¹ Соавтор этого раздела профессор В. Г. Иванов с 1956 по 1993 год работал в ЛГУ им. А. А. Жданова и на себе испытал давление описываемых Д. С. Лихачевым обстоятельств.

² Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 382.

³ Там же. С. 386.

слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы»¹ — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот его суровый приговор: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть»².

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном — пусть медленном — но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д. С. Лихачева.

3.2.3. ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы³. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX века была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»⁴.

¹ Галич А. Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.

В отличие от вышесказанного Д. С. Лихачев, говоря об этике науки, имеет в виду этику самой научной работы. Он весьма сурово осуждает этические нарушения в этой сфере, используя терминологию не из морального, но из уголовного кодекса: разбой, воровство, браконьерство, хулиганство.

Что он имеет в виду?

««Разбой в науке» — заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей»¹.

««Воровство в науке» — пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев»².

««Карманное воровство в науке» — ссылаться на источники из чужих рук»³.

««Браконьерство в науке» — перехватывать чужие темы»⁴.

««Хулиганство в науке» — ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами»⁵.

В большинстве рассматриваемых случаев, как легко убедиться, ключевое слово — «чужое». То есть в научной работе есть свое — это то, что получено собственным трудом, остальное — чужое — им можно пользоваться, но нельзя присваивать. Д. С. Лихачев не одобряет даже излишней демонстрации эрудиции. Это касается и библиографии: «Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености», — указывает он⁶.

В столь резких замечаниях видна установка ученого эпохи нормальной науки советского времени, нацеливавшей исследователя на результат, а не на демонстрацию своих способностей. С позиций сегодняшнего дня такая оценка может показаться даже излишне ригористичной. Ибо падение профессионализма зримо проявляется начиная именно с научной эрудиции. Она уходит из книг и статей, как роскошь былых времен, которая ныне уже не по карману.

Вернемся к этике науки, как ее понимал Д. С. Лихачев. Ясно, что построить ее, основываясь только на запретах, не получится, для ученого нужно сформулировать и положительные качества, добродетели.

Главная из них, по Д. С. Лихачеву, — честность: «Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом»⁷. Далее он пишет: «Высокая

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 114.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 150.

нравственность ученого проявляется, прежде всего, в ответственном отношении к своей научной работе»¹. Эта мысль очень важна, ибо снимает противоречие между нравственностью и профессионализмом.

Рассматривая тему научного исследования, академик высказывает очень интересное суждение: «Если в конце исследования не видно начала следующего — значит, исследование не доведено до конца»². И затем: «В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок»³. «Окончание научной работы — всегда начало следующей»⁴. Здесь содержится понимание Дмитрием Сергеевичем присущего современному научному развитию динамизма. Наука в современном мире развивается особенно быстро. Практически все, что является подлинной научной задачей, кем-то решается и, как правило, в достаточно короткие сроки. На этом фоне поражает самоуспокоенность некоторых коллег, пытающихся и сегодня прожить за счет научного багажа 1990-х, а то и 1980-х годов. Перефразируя Льюиса Кэрролла, можно сказать, что для того, чтобы оставаться в науке на месте, нужно бежать достаточно быстро, а чтобы двигаться вперед — нужно бежать в два раза быстрее.

Надо сказать, что академик Лихачев достаточно много внимания уделял организационно-научной сфере. «Наука коллективна, — констатирует он. — Настоящий ученый организует науку вокруг себя»⁵. Но при этом: «Организатором науки нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку»⁶. И самое главное: «Организатором науки может быть только человек науки»⁷. Когда сегодня мы слышим, что надо отдать науку в частные руки, передать вузы и институты бизнесу и так далее, ясно, что и в данном вопросе Д. С. Лихачев, увы, оказался провидцем. Разумеется, трудно возражать против расширения источников финансирования науки и высшей школы, даже при том, что государственное финансирование обязано быть более надежным. Но теперь предлагается переместить научное сообщество из органичной среды обитания в иную среду, где отнюдь не человек науки будет играть роль ее организатора, определять ход развития событий.

И что еще существенно: в бизнесе принципиально важен положительный результат, а в науке, особенно фундаментальной, результат

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 25.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же.

может быть в принципе любым. Как утверждает Дмитрий Сергеевич: «Отрицательный результат исследования — тоже результат, причем обычно самый бесспорный»¹. Важно, что это сказано без осуждения, ибо итог должен зависеть не от заказчика, а от объекта исследования. В науке нередко нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться, что в конце — тупик. Д. С. Лихачевым осуждается как раз обратное. Он пишет: «Чистоплюйство в науке — выбирать только “выгодные” для себя темы»². Это позиция не бизнеса, потому что там, кроме прямой отдачи вложенных средств, ничто не важно, и не «голос сверху», поскольку чиновники от науки чаще всего и есть упомянутые выше «чистоплюи». Это мнение организатора подлинной науки.

Несколько особняком в изложении этической проблематики стоит следующее суждение Д. С. Лихачева: «Главный враг науки — наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее “близости” к науке»³. Характерно, что слово «близость» помещено в кавычки. Потому что речь идет о мимикрии — подражании внешним признакам научной деятельности.

Какие-то люди с важным видом восседают в президиумах конференций, входят в состав ученых советов, высказываются по научным вопросам в СМИ, не имея отношения к реальной научной работе и роняя в обществе статус ученого.

Правда, такая мимикрия существовала и раньше. Еще академик Лев Ландау сказал, что жрец науки — это тот, кто ест благодаря науке и не имеет к ней более никакого отношения. Но подобных персон никогда не было так много, как сейчас.

Отдельная тема в размышлениях Д. С. Лихачева о науке — тема именованья. Дмитрий Сергеевич как-то до странности трепетно относится к именам, названиям и вообще к номинации. Наверное, потому, что с нее все начинается. «Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку — окрестите его, дайте ему имя, название»⁴. Или, в другом месте: «Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с названия: точного, делового»⁵. Но и здесь академик предостерегает от излишеств: «Если ученый создает сотни научных терминов, — он разрушает науку, десятки — поддерживает ее, два-три — двигает науку вперед»⁶. Есть и более афористичная мысль: «Краткость — вежливость ученого»⁷. Данный критерий распространяется и на научные доклады:

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 102.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Там же. С. 62.

«Не верьте длинным докладам, — пишет он, — аргументированные обычно коротки»¹.

От темы номинации академик переходит к оценке **языка науки**: «Главное достоинство научного языка — ясность»² — и объясняет, почему это достоинство является основным: «Если язык научной работы труден, он не выполняет основную свою задачу — сообщать»³. Разумеется, Д. С. Лихачева волнует научная коммуникация, поскольку ему всегда казалось принципиально важным наличие сообщества ученых как структуры гражданского общества, связанной с государством, но не зависящей от него в процессе духовного производства, то есть производства идеи, научных концепций и проектов.

В прямой связи с темой научной коммуникации оказывается тема оценки результатов научного труда. Разумеется, «от ошибок никто не застрахован... Ошибка в выводах указывает на ошибочность работы исследователя, ошибочность примененного метода — на порок самого исследователя»⁴. То есть в первом случае виноват в ошибке сам специалист, но у него есть шанс исправиться, а во втором — его учителя, не научившие верно выбирать методологию исследования. Психологически же «страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу»⁵. Именно с «готовностью претерпеть» связана такая этическая категория, как мужество: «Самое большое мужество ученого — вовремя признавать свои ошибки»⁶.

Таким образом, **главным критерием оценки научной работы становится внутреннее «Я» ученого, его совесть**. Внешние же оценки — менее существенны. Как пишет ученый: «Когда у спорящих нет аргументов, появляются просто “мнения”»⁷. Правда, большую роль в научном сообществе играет понимание. Для Дмитрия Сергеевича в данном контексте «интеллигентность — это способность к пониманию»⁸.

Можно было бы утверждать, что такой настрой академика дает в его глазах преимущество герменевтическим процедурам в познании над логико-аналитическими. Но это не совсем так. Далее он пишет: «Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке»⁹.

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 85.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 86.

Границы понимания в науке в принципе не совпадают с границами научной истины. Точнее, первые шире последних. Это — еще одна причина неизбежности научных споров. Но весьма любопытно, что среди аргументов «против» Д. С. Лихачев называет фигуру умолчания: «Молчание в науке — знак несогласия»¹. Может быть, это связано с традицией исихазма в русской православной духовности; возможно, менталитет исследователя содержит внутреннюю установку — молча игнорировать все, с чем не согласен. Так или иначе, но правота этого замечания очевидна. Впрочем, причиной молчания несогласных может быть чей-то научный авторитет, особое значение в данной области чей-то личности или страх перед начальством. Позиция Лихачева по отношению к начальству определена достаточно ясно: «Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого»². К сказанному выше примыкает следующий тезис: «Не количество работ, а их качество!»³ И еще более уничижительно: «Если ученый бежит за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности»⁴. Можно ли сделать вывод об отрицании почтенным академиком научных авторитетов? Разумеется, нет, ибо «не уважают заслуг других те, кто их сам не имеет»⁵. Понятно, что Дмитрий Сергеевич четко отделяет реальный масштаб творческой личности от показной мишуры, имеющей мало отношения к сути дела.

При прочтении текстов академика Д. С. Лихачева о науке возникает странное чувство, связанное с глубиной разрыва между желаемым и существующим. С одной стороны, не может не вызывать уважения этическая доминанта его высказываний, с другой — мысли ученого воспринимаются как голос из иной реальности. Словно все постулаты рождены в месте уединения оторванного от обычной жизни мудреца. Но ведь это не так. Дмитрий Сергеевич изведal многое на своем научном и жизненном пути. И все-таки в текстах незримо присутствуют житейское благополучие, достоинство, даже величие прошлого века — времени наивысшего расцвета советской науки.

В 1990-е годы в научной среде возникнет совершенно иная ситуация. Разразившаяся национальная катастрофа привела к массовому обнищанию людей науки, уходу наиболее энергичных в политику и бизнес, миграции за рубеж, старению научных коллективов. В современную историю России вписаны не научные победы и прорывы, а самоубийства директоров НИИ, не знавших, на какие деньги содержать ин-

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 77.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 91.

ституты, вывоз за рубеж всего, что можно было продать, — распиленного на металлолом оборудования, оборонных технологий, научных результатов; махинации с фондами заработной платы научных учреждений и с их имуществом. И все более бойкая торговля учеными степенями и званиями «на вынос и распивочно». Кто из «сильных мира сего» в нашей стране еще не доктор или, на худой конец, не кандидат каких-нибудь наук?

В этих условиях мысли академика могут восприниматься как рекевием по науке, которую мы потеряли. И все-таки здесь есть светлая сторона. Актуализация воззрений Д. С. Лихачева на этику научной работы связана не со вчерашним или сегодняшним, но с завтрашним днем российского общества и государства.

«Долг ученого — иметь преемников.

Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам.

Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников»¹.

Поставленный академиком Лихачевым **вопрос о долге ученого** важен сегодня как никогда. Преподавательский состав российских вузов — в большинстве своем дедушки и внучки. Потеря среднего поколения печальна, но не фатальна по ее отдаленным последствиям, если в науке сохранится преемственность, о которой говорит Дмитрий Сергеевич. И в том случае, если наука будет востребована обществом и государством, — не все безнадежно. Нам остается в связи с этим лишь повторить за Дмитрием Сергеевичем: «Самый верный путь ученого — путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете»².

¹ Лихачев Д. С. Без доказательств. С. 31.

² Там же. С. 119.

3.3. Д. С. ЛИХАЧЕВ И А. А. ЗИМИН: УРОКИ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ*

Среди лихачевской мемуаристики достаточно часто встречается драматический сюжет, связанный с академической полемикой вокруг версии истории создания «Слова о полку Игореве», выдвинутой в начале 1960-х годов историком А. А. Зиминым.

Д. С. Лихачев был принципиальным оппонентом этой версии, объявляющей «Слово...» фальсификацией. «...Древнерусский мир, в частности “Слово о полку Игореве”, представлял для него огромную ценность — не только научную, но и человеческую, — пишет в своих воспоминаниях о Д. С. Лихачеве Я. А. Гордин. — И он был готов отстаивать интересы этого мира. Иногда это приводило к драматическим и мучительным для Дмитрия Сергеевича ситуациям... В начале 1960-х годов произошло событие, стоившее Дмитрию Сергеевичу немалых нервов и здоровья. Известный и уважаемый историк, специалист по русскому Средневековью, Александр Александрович Зимин занялся исследованием “Слова о полку Игореве” и пришел к выводу, что “Слово...” написано в XVIII веке. Он сделал об этом доклад в Пушкинском Доме. Казалось бы, обычный научный спор. Разумеется, Дмитрий Сергеевич и большинство его коллег были категорически не согласны с Зиминым. Но тут в дело вмешались идеологические власти — отдел идеологии ЦК КПСС. Работа Зимина была объявлена идеологической диверсией. Академик Рыбаков настаивал на том, что это — “сионистский заказ”! Дмитрий Сергеевич оказался в очень трудном положении. Он хотел вести научную дискуссию, а от него, заведующего сектором древнерусской литературы, требовали уничтожения оппонента. <...> Дмитрий Сергеевич до конца жизни тяжело переживал эту унижительную для науки ситуацию»¹.

О «накале страстей» (и не только научных) вокруг этой полемики свидетельствуют и воспоминания знаменитого первооткрывателя «берестяных грамот» академика В. Л. Янина: «Некоторое “противостоя-

* Раздел написан в соавторстве с профессорами СПбГУП Ю. В. Зобниным и А. А. Михайловым.

¹ Гордин Я. А. Лихачев как моральный авторитет // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 50.

ние” между мной и Лихачевым относится к середине 1960-х годов, когда Александр Александрович Зимин выступил со своей концепцией <...> я с величайшим уважением воспринял мужество ученого, осмелившегося противостоять официальной трактовке, приравнявшей “Слово...” чуть ли ни к “Манифесту коммунистической партии” и требующей неприкосновенности к тексту, который, естественно, не мог не измениться в процессе многовекового редактирования. Я был уверен, что демарш Зимина понудит исследователей более внимательно изучать замечательный памятник русского Средневековья. Так и оказалось в дальнейшем. Но Зимин своего главного противника подозревал в Лихачеве, который, в свою очередь, заподозрил во мне зиминского сторонника, но очень скоро, к счастью, разобрался в ситуации»¹.

Приведенные воспоминания В. Л. Янина показательны как выражение позиции, которую разделяет, на наш взгляд, большинство крупных ученых, обращающихся в наше время к той памятной дискуссии о «Слове...»: научная состоятельность концепции Зимина ими не признается, но сам факт возникновения в те времена полемики «поверх идеологических барьеров» всячески приветствуется как попытка оздоровления обстановки в советской науке. Ведь и Д. С. Лихачев, как свидетельствует Я. А. Гордин, «предлагал опубликовать книгу Зимина, чтобы полемика была гласной и открытой»², однако это было запрещено «сверху».

Думается, современному читателю также будет небезынтересно узнать об этом любопытном эпизоде, ярко обрисовывающем тот исторический контекст, в котором приходилось действовать академику Лихачеву в годы расцвета его научного творчества.

Александр Александрович Зимин (1920–1980), без сомнения, является одним из крупных российских историков XX столетия. В сфере его научных интересов лежали различные аспекты истории России XI–XVIII веков. Видный современный исследователь, доктор исторических наук С. М. Каштанов, оценивает личность и заслуги А. А. Зимина перед наукой следующим образом: «Зимин был и остается гордостью российской исторической науки. Ученый с огромным творческим потенциалом, широчайшим кругозором и редкой научной интуицией, он вызывал уважение и восхищение и своими трудами, и своей личностью. Обладая ярко выраженным холерическим темпераментом, Зимин буквально “горел” жаждой творчества... Зимин был “ученым с мировым именем” в полном смысле слова. Не только российские, но и иностранные коллеги относились к нему с глубочайшим почтением, я бы сказал,

¹ Янин В. Л. Совесть, благородство и достоинство отличали Лихачева // *Очень*^{UM}. 2006–2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 32–33.

² См.: Гордин Я. А. Указ. соч. С. 50.

с преклонением, а также с большой душевной теплотой. Ценились его труды, ценилась его эрудиция, острота мысли, остроумие, раскованность, искренность и желание помочь»¹. Другой видный историк В. М. Панеях пишет о А. А. Зимине следующее: «Выдающийся многогранный талант А. А. Зимина как ученого сочетался с его необычной работоспособностью, преданностью науке и бескорыстной увлеченностью поисками исторической правды»².

А. А. Зимин учился на историческом факультете МГУ (1938–1941), историко-филологическом факультете Среднеазиатского университета (окончил в 1942 г.), в аспирантуре Института истории АН СССР. В 1947 году защитил кандидатскую диссертацию о землевладении и хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XV — начале XVIII века и начал работу в Институте истории АН СССР в качестве младшего научного сотрудника. С 1951 года он являлся старшим научным сотрудником того же Института. Уже в самом начале исследовательского пути Александр Александрович зарекомендовал себя как чрезвычайно яркий и талантливый ученый. С. М. Каштанов отмечал: «Кандидатская диссертация А. А. Зимина поражает читателя, прежде всего, размахом творческой инициативы автора и продуктивностью примененной им методики исследования. Его работа — принципиально новый этап в подходе к изучению истории крупной духовной корпорации»³. Случай, когда уже кандидатская диссертация оценивается специалистами как «принципиально новый этап» в исследовании крупной научной проблемы — безусловно, редчайший.

В 1950-е годы А. А. Зиминим был подготовлен целый ряд работ, посвященных русской общественно-политической мысли XVI века и таким ее представителям, как Иосиф Волоцкий⁴ и Федор Карпов⁵. Данные исследования закономерно привели А. А. Зимина к научному сотрудничеству с Д. С. Лихачевым — тогда уже одним из наиболее авторитетных специалистов в изучении древнерусской литературы. В 1956 году

¹ *Каштанов С. М.* Александр Александрович Зимин // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 389.

² *Панеях В. М.* Панорама истории России XV–XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 80.

³ *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 371.

⁴ *Зимин А. А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 159–177.

⁵ *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 160–174.

вышел в свет сборник сочинений видного русского публициста XVI века Ивана Семеновича Пересветова, над которым А. А. Зимин и Д. С. Лихачев работали вместе, причем оба исследователя поместили в сборнике свои статьи¹.

По воспоминаниям коллег, в период совместной работы А. А. Зимин испытывал к Д. С. Лихачеву огромное уважение, восхищался им. Так, С. М. Каштанов вспоминает: «Однажды А. А. Зимин показал мне фотографию, где в числе прочих был запечатлен Д. С. Лихачев. Зимин спросил меня, узнаю ли я, кто тут Лихачев. Я, конечно, не узнал. Зимин возмутился и с восторгом отозвался об этом ученом»².

В 1958 году была опубликована монография А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.»³. Позже он защитил ее в качестве докторской диссертации. Показательно, что Д. С. Лихачев в дальнейшем также неоднократно обращался к наследию Ивана Пересветова и его роли в развитии русской общественной мысли.

Для А. А. Зимина период работы над «пересветовской темой» стал временем активного формирования присущих ему методов исследования, выработки собственного исследовательского почерка. Еще в 1954 году он писал видному ленинградскому историку Б. А. Романову: «Исторически тема с Пересветовым очень трудна и требует “труппы” и “хоров”. Если же ее свести к ковырянию в списках и редакциях, то она перестанет быть исторической <...> Пересветов — соло — невозможен, скучен...»⁴ Здесь нельзя не отметить, что подобный подход к влиянию исторической среды на тот или иной текст был очень близок Лихачеву. В своей широко известной работе «Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв.», завершенной в 1962 году, Дмитрий Сергеевич отмечал: «На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, воззрениями, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят, в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное и

¹ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его сочинения // Пересветов И. Сочинения. М.; Л., 1956; *Лихачев Д. С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Там же. С. 28–56.

² *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 377.

³ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁴ Цит. по: *Панеях В. М.* Указ. соч. С. 70.

незаметное влияние на судьбу памятника»¹. Именно многочисленные люди, окружавшие автора, и есть те «трупы» и «хоры», о которых писал А. А. Зимин.

Лихачевское стремление показать и раскрыть на основе конкретных фактов глубокие исторические закономерности будет присуще Зимину на протяжении всей его исследовательской деятельности. В предисловии к одному из наиболее ярких своих исследований — монографии «Витязь на распутье» Александр Александрович писал: «Историку легче рассказать о том, как все происходило, чем понять, почему так произошло. Это тем более сложно, когда размышляешь о переходных эпохах, когда победившие правители “переписывали историю”...»² Здесь нелишне заметить, что А. А. Зимин относился к Б. А. Романову как к своему учителю, наставнику. Сам же Б. А. Романов, крупный исследователь Киевской Руси, по своим научным интересам был тесно связан с Лихачевым. По воспоминаниям Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой, Д. С. Лихачев еще в 1948 году не побоялся выступить в защиту книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», которая подверглась грубым и необоснованным нападкам со стороны партийных «идеологов»³.

Одновременно с научной работой А. А. Зимин вел активную преподавательскую деятельность: с 1947 по 1972 год он работал в Московском государственном историко-архивном институте в качестве старшего преподавателя (1947–1950), доцента (1950–1970), профессора (1970–1973). По отзывам коллег, он пользовался большой любовью и уважением студентов, преподавал очень ярко и интересно. «Он (А. А. Зимин. — *Прим. авт.*), — вспоминает С. М. Каштанов, — не терпел академическую напыщенность и псевдонаучность. Юмор, остроумие и доброты — неотъемлемые черты его личности»⁴. Нелишне отметить, что стойкую неприязнь к «псевдонаучности» испытывал также Дмитрий Сергеевич, который в своих работах избегал нарочитой усложненности, присущей многим академическим текстам, подчеркивал, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»⁵, если она не обусловлена логикой научного доказательства.

¹ Цит. по: *Лихачев Д. С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001. С. 45–46.

² *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 4.

³ *Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946–1953) // Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1997. Т. 50. С. 29–30, 535.

⁴ *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 369.

⁵ *Лихачев Д. С.* Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб., 1996. С. 112.

Немало общего у Д. С. Лихачева и А. А. Зимина было и в отношении к целому ряду вопросов методологии научного исследования. Так, оба ученых испытывали повышенный интерес к вопросам текстологии и, в частности, к трудам А. А. Шахматова. В силу данных обстоятельств А. А. Зимин не мог не заинтересоваться вышедшим в свет летом 1962 года сборником статей «“Слово о полку Игореве” — памятник XII века», который был подготовлен Сектором древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. По воспоминаниям супруги ученого, Валентины Григорьевны Зиминной, он «буквально “заболел” “Словом...”» <...> после чего последовало напряженное, прямо-таки азартное, внимательнейшее изучение всего о “Слове” написанного»¹.

Сопоставляя текст «Слова о полку Игореве» с другими произведениями древнерусской литературы, А. А. Зимин пришел к неожиданному выводу, что оно было написано вовсе не в XII веке, а гораздо позже — в XVIII столетии и представляет собой блестящую стилизацию древнерусского памятника («пастиш»). Автором «Слова...» А. А. Зимин считал талантливого богослова о. Иоиля (Быковского) (1706–1798), у которого А. И. Мусин-Пушкин, по собственному утверждению последнего, приобрел рукопись.

Важнейшим аргументом для такой датировки «Слова...», по мнению Александра Александровича, являлся характер его взаимоотношений с «Задонщиной» — воинской повестью, посвященной Куликовской битве (1380). Зимин полагал, что «Задонщина» сохранилась в первичной (Краткой) и вторичной (Пространной) редакциях и что именно списки Пространной редакции обнаруживают наибольшую близость к «Слову...». Соответственно, утверждал он, «Слово...» могло быть создано лишь после возникновения Пространной редакции «Задонщины», то есть не ранее 20-х годов XVI века. Другими важными источниками для написания «Слова...» были, по мнению Александра Александровича, Ипатьевская летопись и некоторые памятники русского, белорусского и украинского фольклора. Ученый также находил в «Слове...» идеи, актуальные для XVIII века, считал, что оно может быть истолковано как «призыв к присоединению Крыма и победоносному окончанию Русско-турецкой войны»².

15 февраля 1963 года А. А. Зимин направил Д. С. Лихачеву, с которым, как говорилось выше, был давно связан научными интересами, письмо с просьбой заслушать на заседании Сектора древнерусской литературы его доклад на тему «К изучению “Слова о полку Игореве”». Заседание состоялось 27 февраля, к сожалению, в отсутствие самого Дмит-

¹ *Зимина В. Г.* К читателю // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. С. 3.

² См.: *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 144.

рия Сергеевича, который в то время оказался в больнице. Выступление продолжалось три часа. Сам ученый впоследствии вспоминал: «...это был первый доклад, который я делал не по бумажке (потому как работы-то самой еще не было), была груда материала и уйма выводов»¹. Заседание собрало, совершенно неожиданно для его организаторов, нетипично большое для научных мероприятий количество слушателей и участников дискуссии — около 150 человек, среди которых оказалось немало студентов. Изложенная Зиминим гипотеза вызвала немало возражений, но каких-либо окончательных выводов участники заседания не сделали.

По возвращении в Москву Александр Александрович подвергся «проработке» со стороны руководства Института истории АН СССР за то, что сделал доклад по собственной инициативе, без согласования с руководителями. Одновременно ему было предложено представить его тезисы для публикации в журнале «Вопросы истории», где их предполагалось напечатать с сопроводительной статьей М. Н. Тихомирова. Зимин от такого предложения отказался, ибо публикация тезисов неизбежно закрывала дорогу для последующей публикации полномасштабного исследования. Тогда начальство потребовало от исследователя подготовить научный текст с изложением доводов, приведенных на заседании в Институте литературы. Вот что писал об этом впоследствии сам ученый: «Работу о “Слове...” меня заставило написать начальство, стенограммы заседания не было, а ему очень хотелось меня “проработать”. Требовался для этого мой какой-либо, хоть плохенький (а это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник, который сохранился в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах»².

Речь в данном случае идет о работе «“Слово о полку Игореве”»: (Источники, время написания, автор)», объемом в 660 страниц, которая была напечатана на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр (1963). Экземпляры были направлены ученым, которых предполагалось привлечь к обсуждению гипотезы, причем исследователи получали книги строго по списку, так, словно речь шла не о научном, историческом исследовании, а о неких сверхсекретных материалах, разглашение которых угрожает безопасности государства.

Само обсуждение состоялось в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 года. На него было приглашено около 100 ученых, причем более 30 из них сделали более или менее развернутые выступления. Среди выступавших были крупнейшие специалисты в области истории, филологии, археологии, ученые с мировыми именами: Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, О. В. Творогов и др. Вместе с тем на обсуждении присутствовали и в значительной мере контролировали его ход представители официальной «идеологической машины». Среди них — секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и вице-президент Академии наук

¹ Зимина В. Г. Указ. соч.

² Там же. С. 4.

П. И. Федосеев, научные работы которых были посвящены философии марксизма-ленинизма. Участвовали также ученые, специализация которых представляется очень далекой от обсуждаемой проблемы. Однако занимаемые ими высокие номенклатурные должности не позволяли остаться в стороне от дискуссии: директор Института истории АН СССР В. М. Хвостов и академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков, оба — специалисты в области международных отношений.

Подробный отчет о заседании был опубликован в том же 1964 году на страницах журнала «Вопросы истории»¹. Однако публикация производилась под контролем партийных органов (видимо, в лице Л. Ф. Ильичева). В результате, наиболее подробно в ней изложены доводы научных оппонентов А. А. Зимина — особенно Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова². Вместе с тем нельзя отрицать, что многие положения новой гипотезы действительно оказались уязвимы для критики. Ученые различных специализаций аргументированно указывали Зимину на неточную трактовку им многих терминов и исторических реалий, на огрехи в переводе текста и т. д.

Сам А. А. Зимин в заключительном слове сказал: «Результаты обсуждения настолько значительны и интересны, что потребуются значительная работа, чтобы все это переварить, продумать еще раз. Выказана была масса интересных мыслей, наблюдений, масса полезного. Лично для себя я получил много полезного. <...> Мне хочется иметь возможность еще не один раз обратиться за консультациями, за помощью к присутствующим, к их большим знаниям, которыми я, конечно, не всегда обладаю. <...> И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали, очень хорошо работали, на этом совещании, я думаю, что советская историческая наука и советская наука вообще только выиграет. <...> И такое собрание, какое было организовано сейчас, — деловое, без лишних людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание»³.

¹ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121–140.

² Стенограмма заседания хранится в архиве Российской Академии наук (Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964)).

³ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» // Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 20, л. 138–139. См. также: Соколова Л. В. Новые мифы о старом: (по поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») [Электронный ресурс] / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Электрон. дан. Режим доступа: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3229>. Загл. с экрана.

Явная несправедливость заключалась, конечно, не в научной критике работы А. А. Зимина как таковой, а в том идеологическом давлении, которому подвергся исследователь. Даже в отредактированном партийной цензурой отчете мрачное впечатление производит, например, фрагмент выступления Е. М. Жукова. Подводя итог долгой, очень глубокой в научном отношении дискуссии, тот заявил: «...подготовка и проведение обсуждения явились не вполне оправданным расходом средств и времени, поскольку выяснилось, что обсуждение концепции не заслуживает того внимания, которое ей было уделено»¹. Жуков добавил также, что «опровержение надуманных построений отвлекло на значительное время многих специалистов от текущей работы»². Власти, таким образом, фактически ставили крест на любых попытках продолжить дальнейшую разработку гипотезы Александра Александровича, заявляя, что никакого нового обсуждения быть не должно.

Важно подчеркнуть, что **Д. С. Лихачев выступал против перевода обсуждения работы А. А. Зимина из научной сферы в идеологическую.** В преамбуле к своему выступлению он подчеркивал: «Еще одно замечание, которое я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности “Слова о полку Игореве” является научным спором и привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует»³. Таких же принципов придерживались и многие другие сотрудники Института истории литературы АН СССР, в частности Л. А. Дмитриев писал А. А. Зимину: «В вопросе о “Слове...” я твой противник и, как ты сам прекрасно понимаешь, я должен и буду здесь спорить с тобой. Но, и это я говорил и в частных, и в официальных разговорах, твоя точка зрения — это твоя научная гипотеза, и спорить с ней нужно как с гипотезой, не примешивая сюда никакой политики»⁴.

Многие из выступавших на обсуждении ученых, не соглашаясь с доводами А. А. Зимина, говорили тем не менее о необходимости опубликовать его работу. Так, О. В. Творогов, в частности, отмечал: «На вопрос о судьбе работы А. А. Зимина я с полной решимостью отвечаю: она должна быть издана <...> если же книга опубликована не будет, советской науке будет нанесен непоправимый ущерб. О гипотезе А. А. Зимина не забудут, будут продолжаться плодиться слухи и домыслы, проповедниками скептического отношения к “Слову...” станут добровольные интерпретаторы взглядов А. А. Зимина, любители сенсаций и эффек-

¹ Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». С. 140.

² Там же.

³ Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». № 3, л. 16–17. См. также: *Соколова Л. В.* Указ. соч.

⁴ *Соколова Л. В.* Указ. соч.

тов. В то же время историки древнерусской литературы будут лишены возможности научно спорить, отстаивать свою точку зрения»¹. Как показало время, это было мудрое, провидческое замечание.

Тем не менее власть имущие рассудили иначе. Еще до обсуждения, 4 марта, книгу затребовал председатель идеологической комиссии Л. Ф. Ильичев, а 16 марта А. А. Зимины вызвали к вице-президенту АН СССР П. Ф. Федосееву, который в присутствии Е. М. Жукова, директора Института истории В. М. Хвостова, ученого секретаря Отделения истории АН СССР Ю. В. Бромлея и академика Б. А. Рыбакова сообщил, что, хотя обсуждение и состоится, книга напечатана не будет². Бесспорно, что фактический запрет публикации грубо противоречил принципам научной этики. Ученый с горечью писал в своем дневнике: «Корифеи науки заговорили языком публицистов. <...> Получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на несправедном процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о “Слове...”, никто не имел права брать себе в союзники жандармов»³.

Впрочем, после обсуждения А. А. Зимин не прервал работы над «Словом...», постоянно уточнял и подкреплял аргументацию своей гипотезы. Так, в статье «“Слово о полку Игореве” и восточнославянский фольклор», опубликованной в 1967 году⁴, Александр Александрович развивает свою мысль о том, что автор «Слова...» был любителем фольклора и именно под воздействием «народных образцов» трансформировал текст «Задонщины». Ярко выраженная индивидуальная творческая манера повествования, своеобразие приемов изображения героев в «Слове...», по мнению А. А. Зимины, не соответствовали «литературным явлениям Древней Руси XII в.»⁵. В другой статье, «Ипатьевская летопись и “Слово о полку Игореве”»⁶, вышедшей в свет годом позже, ученый возвращается к анализу так называемого «текстологического треугольника», то есть взаимоотношений «Слова...», «Задонщины» и

¹ Архив РАН. Отделение истории, ф. 457, оп. 3 (1964), № 15, л. 69; *Соколова Л. В.* Указ. соч.

² *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты из книги) / публ., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Формозов // *Вопросы истории.* 1992. № 6–7. С. 99.

³ *Зимин А. А.* Обретение свободы // *Родина.* 1990. № 8. С. 88.

⁴ *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // *Русский фольклор.* Л., 1968. Т. 1. С. 212–224.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // *История СССР.* 1968. № 6. С. 43–64.

Ипатьевской летописи. Он утверждает, что автор «Слова...» черпал фактографию похода князя Игоря Святославича именно из Ипатьевской летописи и из нее же взял многие лексические обороты.

С другой стороны, многие видные ученые также продолжали участвовать в полемике, причем споры, порой, принимали очень эмоциональный характер. Достаточно упомянуть, что статья Б. А. Рыбакова, Ф. П. Филина и В. Д. Кузьмина, направленная против положений статьи А. А. Зимина «Ипатьевская летопись и “Слово о полку Игореве”» получила весьма публицистическое название: «Старые мысли, устарелые методы»¹. Современный историк В. М. Панеях справедливо видит в событиях, развернувшихся вокруг гипотезы А. А. Зимина, своеобразный знак времени, когда недолгая политическая «оттепель» подходила к концу: «...выводы автора не были приняты официальной наукой, а сам он был подвергнут длительной травле. В то же время его источниковедческая методика, в скрытой форме воспринятая и использованная оппонентами, замалчивалась ими. Вся эта история — одно из свидетельств того, что десталинизация не стала необратимым процессом и, напротив, начала отступать...»²

В отличие от некоторых своих коллег, **Д. С. Лихачев всегда оставался в рамках строго научной дискуссии, причем его критика гипотезы Зимина носила глубоко аргументированный характер.** Уже в 1964 году в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья Дмитрия Сергеевича «Когда было написано “Слово о полку Игореве”?», которая включала как положения, высказанные во время дискуссии в Отделении истории АН СССР, так и новые аргументы в пользу древности «Слова...». Показательно, что первый раздел своей статьи Д. С. Лихачев озаглавил: «Absit invidia», что в переводе с латыни означает «Пусть не будет злобы». Подчеркивая важность развернувшейся дискуссии, ученый писал: «Во времена культа личности Сталина, когда научные дискуссии сплошь да рядом превращались в проработки, не было возможности не только выступить тем, кто сомневался в подлинности “Слова...”, но и тем, кто хотел защитить его от сомнений... Защитники “Слова...” не могли привести развернутую аргументацию, так как не имели возможности подробно изложить доводы своих противников... Привычка обвинять, а не спорить сослужила дурную службу науке»³. Д. С. Лихачев хотел, разумеется, именно «спорить», причем спорить обоснованно. Показательно, что к вопросу о времени написа-

¹ Рыбаков Б. А. Старые мысли, устарелые методы: (ответ А. А. Зимину) / Б. А. Рыбаков, В. Д. Кузьмин, Ф. П. Филин // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153–176.

² Панеях В. М. Указ. соч. С. 77.

³ Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? С. 132.

ния «Слова...» он возвращался в целом ряде работ, в том числе в фундаментальном исследовании «Историческая поэтика русской литературы»¹.

Как уже говорилось, **центральной научной проблемой дискуссии явилось определение источника подражания в истории создания двух, действительно похожих текстов:** Зимин полагал, что автор «Слова...» подражал «Задонщине», Лихачев видел в «Задонщине» подражание «Слову...». Приведем лишь некоторые из аргументов ученого, в которых проявился блеск Лихачева-полемиста: «“Задонщина”, — пишет он, — небольшое произведение, созданное на грани XIV–XV веков и прославляющее куликовскую победу “за Доном” (отсюда название этого произведения). <...> “Задонщина” — также нестилизационное подражание произведению эпохи независимости Руси — “Слову о полку Игореве”. В отличие от “Слова о полку Игореве”, “Задонщина” стилистически неоднородна. Три стилистических слоя легко могут быть обнаружены во всех списках “Задонщины”: 1) стилистический слой, близкий к “Слову о полку Игореве” и буквально повторяющий отдельные элементы “Слова”; 2) стилистический слой “делопроизводственного” характера, совершенно чуждый “Слову”, и 3) слой фольклора. Два первых слоя очень характерны для всех списков “Задонщины” и находятся между собой в резком диссонансе. <...> Иногда смешение [этих] двух стилей — высокого поэтического и делового прозаического производит прямо-таки комическое впечатление. Так, делопроизводственность проникает даже в плач московских жен. Если в “Слове...” жены русских воинов упомянуты в общей массе как поэтический образ, который должен характеризовать тяжесть утрат (“Жены руския въсплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати”), то привыкший к деловой точности и чиновничеству московской бюрократии автор “Задонщины” уточняет: *кто именно из жен плакал и о ком именно*; это почти официальная реплика о плаче жен — жен официальной московской бюрократии: “Въспели бяше птицы жалостные песни. Все въсплакалис<я> к ней боярыни избъенных, воеводины жены: *Микулина жена Васильевич<а>*, да *Марья Дмитриева* рано плакашас<я> у Москвы у берега на забралах, а ркучи: “Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеси в землю По<ло>вецкую. Прилилеи моего государя ко мне Микулу Васильевич<а>”, *Тимофеева жена Волуевич<а>* *Феодос<ь>*я так<о> плакас<я>, а ркучи: “Уже весел<ь>е понич<е> в славне гради Москве, уже не вижу своег<о> государя Тимофея Волуевич<а> в животе”. *Да Ондреева жена Марья, да Михайлова Оксен<ь>*я рано плакашас<я>: “Се уж<е> нам обема солнце померкне на славне

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 190–208 и другие работы.

гради Москве”. Это не поэтический плач, а официальное сообщение о плаче. Поэтический стиль резко диссонирует с делопроизводственной точностью. <...> Стоит упомянуть и о таком географическом несоответствии в “Задонщине”. В “Слове...” в обращении Ярославны к Днепру говорится, что он “пробил” каменные горы сквозь землю Половецкую, и Днепр действительно пробивает каменные пороги как раз в том месте, где степные народы чаще всего нападали на русские ладьи. Это было самое опасное место земли Половецкой. В “Задонщине”, в плаче русских жен говорится несколько иначе: “Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течещи в землю По<ло>вецкую”. *Но Дон на своем пути не встречает порогов, а любой крутизны правый берег еще не позволяет сказать, что река “прирыла (прорыла) каменные горы”.* Каменными были только пороги на Днепре. Следовательно, и здесь в “Задонщине” явная несообразность, объясняемая механичностью заимствования из “Слова...”¹. Лихачев заключает: «Итак, “Задонщина” — типичное для конца XIV — начала XV века нестилизованное подражание памятнику эпохи независимости Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы»².

Книга А. А. Зимина «Слово о полку Игореве» увидела свет через много лет после смерти автора, в 2006 году. В подготовке ее к публикации приняли участие видные исследователи из Петербурга и Москвы: О. В. Творогов, А. Л. Хорошкевич, В. П. Козлов, А. А. Формозов. Нельзя не отметить, что ее появление сразу же вызвало бурные споры. К сожалению, в отзывах на книгу некоторых журналистов и публицистов иногда присутствует стремление к некоторой сенсационности, весьма далекой от взвешенного, научного подхода³. Между тем **публикация работы, несомненно, является актом справедливости по отношению к выдающемуся исследователю**, своего рода оплатой морального долга всего научного сообщества перед его памятью.

Трудно не согласиться также с О. В. Твороговым, который в предисловии к этой книге пишет о ее научном значении: «А. А. Зимина нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем “слововедения”, существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга — наиболее полный свод возражений защитникам древности “Слова...”, и без ответа на все доводы и сомнения А. А. Зимина нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора — самого основательного из “скептиков” — окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. С. 190–192, 201.

² Там же. С. 204.

³ Соколова Л. В. Указ. соч.

“Слова...” осталось мало шансов на будущее...»¹ И далее О. В. Творогов решительно заявляет: «Должен признать, что, прочитав книгу А. А. Зимина, я не изменил своего взгляда и по-прежнему считаю “Слово...” памятником древнерусской литературы»².

Дмитрий Сергеевич, безусловно, присоединился бы к этой позиции. Однако **несмотря на кардинально противоположную трактовку истории создания «Слова о полку Игореве» (по сравнению с Зиминным) в вопросах, касающихся нравственных позиций творчества (в том числе научного), возможности свободно излагать свои взгляды и этики ведения дискуссий, Лихачев и Зимин, думается, не имели разногласий.** Полемика между этими выдающимися учеными останется в истории отечественной науки, в истории России незаурядным уроком нравственности для будущих поколений, достойным примером служения Науке, служения Истине.

¹ Творогов О. В. О книге А. А. Зимина // Зимин А. А. «Слово о полку Игореве». С. 7.

² Там же.

3.4. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысления этой темы.

Необходимость написания настоящего раздела книги стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлениям.

Присвоив себе, по обыкновению, статус «хранителя имени» Д. С. Лихачева, Сигурд Оттович обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, одного из лихачевских учеников и коллег по Пушкинскому Дому, рекомендованного в свое время академиком на работу в наш Университет. Профессор Зобнин — выдающийся филолог, один из крупнейших по мировым меркам специалистов по литературе Серебряного века — был обвинен ни много ни мало в использовании текстов Дмитрия Сергеевича — «неблаговидно для памяти Лихачева»¹.

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Юрия Владимировича, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «Очень^{UM}»: «...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от “государственных объятий” нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, “тайная свобода”»². Особое негодование Сигурда Оттовича вызвал итоговый вывод профессора Зобнина: «То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: “Кажись цветком и будь змеей под ним”. И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшнозвучит, но, если вдуматься, это правда»³. Прочитав Ю. В. Зобнина, его критик заключает: «Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева»⁴.

¹ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; отв. ред А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 23.

² Зобнин Ю. В. Мы чувствуем себя крестниками Лихачева / [беседу вела Т. Львова] // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1, спец. вып.: К 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 29.

³ Там же.

⁴ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

Если оставить в стороне претензии Сигурда Оттовича на право быть единственным толкователем воззрений Д. С. Лихачева, то спор по сути лихачевских нравственных установок в данном плане представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ Ю. В. Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ словами слушателя, своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом. **Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти, шире — личности и власти, нуждается в обстоятельном осмыслении, и жизненный путь академика Д. С. Лихачева представляет для этого уникальный материал.**

Как уже говорилось ранее, теоретически, по Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, профессор Зобнин был прав.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны не заканчиваться, а начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная **конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения.** Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По его мнению, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, «не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тоне личности»¹.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост., отв. ред., авт. пер. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002. С. 112.

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшийся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться — одно было связано с другим. Я сам, впервые приучившись читать на отцовских книгах, все больше с ятями да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»¹.

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того — раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в «Собачем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, а она составляла подавляющее большинство, Лихачев воспринимался чужеродным явлением. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то, *что* сказано, сколько то, *как* это сделано»².

Размышляя об этом, невольно вспоминаешь бабелевское: «Аннулировал ты коня, четырехглазый»³.

Таким образом, можно сказать, что **первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.**

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастьем», рассказывал о разрушении ею прекрасного мира: «Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России — как говорил дед, “до несчастья” — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился»⁴. И далее: «Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедуска был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После “несчастья” жизнь

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 181.

² Там же. С. 9–10.

³ *Бабель И. Э.* Конармия // Бабель И. Э. Избранное. Фрунзе: Адабият, 1990. С. 127.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 33.

его резко изменилась — понижение по службе, боязнь ареста, “уплотненная квартира”. Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастьях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочие, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться “своим”. Дедушка был очень привязан к отцу...»¹

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Размышляя о долголетию Дмитрия Сергеевича, Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение: Лихачев поставил себе задачу пережить советскую власть, и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается, все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у любой думающей личности нет совершенно никаких претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Либо покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен формулой: «Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!»² — под другом здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями...

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив. Но **смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности:** радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»³, — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»⁴, — дополняет этот рассказ З. Ю. Курбатова.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 33.

² Шекспир У. Сонет LXVI / пер. С. Я. Маршака // Шекспир У. Сонеты. СПб.: Терция: Кристалл, 2000. С. 177.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 31.

⁴ Там же. С. 36–37.

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как **цепь репрессий**: «Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик»¹. По мнению Даниила Александровича, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя “интересов дела”. Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально и физически. Ему подожгли квартиру. Его избili в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее»².

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Но, разумеется, не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было, что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: «Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати, после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасного. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: “Я уже сидел и больше не хочу”. Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить»³, — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева.

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... **Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самоожжение, на другом — полное приспособленчество.** Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы, Лихачев был не функционером «системы», и не ее оппонентом, а как бы

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 382.

² Там же. С. 381–382.

³ Там же. С. 27.

«вне ее»¹. Согласиться с ними трудно. Быть вне системы не удается даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось»², — писал Даниил Гранин. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов»³. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Разумеется, в советский период об «антикоммунизме» этих лихачевских критиков никто не знал.

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», противоречащий его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: «Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: “Мы не знали” или “Тогда было так надо”. Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отрекаться от них»⁴.

Как бы то ни было, но **даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности.** Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие “доброхотов”, готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной “Слову о полку Игореве” (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в “инстанции” был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: “Чувствуешь себя как в оккупации”»⁵.

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 9.

² Там же. С. 387.

³ Тиханова М. А. Оборона древнерусских городов / М. А. Тиханова, Д. С. Лихачев. Л.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942.

⁴ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

⁵ Там же. С. 82.

Не случайно, размышляя об ушедшем из жизни коллеге, Л. М. Лотман вспоминает одну из его работ: в статье «Об общественной ответственности литературоведения» Д. С. Лихачев утверждает, что если человек «сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки “умственной социальности”, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни — это и будет интеллигентностью»¹. Однако невежественная власть мешала работать, мешала жить интеллектуальной жизнью настоящим ученым, поддерживала ложную суровость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: «Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся “проработкам” уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим “органам”. За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским клеем, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались — слышны были щелчки и звуки намазываемой пленки»², — вспоминала внучка Д. С. Лихачева.

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Как справедливо отмечала та же Л. М. Лотман: «Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии, природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью»³. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 85.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 152.

Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»¹, — пишет З. Ю. Курбатова.

Между тем **профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину**. В 1952 году ему была присуждена Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году он становится Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за «Поэтику древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <... > Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»².

Но был и другой **вызов в поведении Лихачева** той поры: «Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. <...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания»³, — рассказывает Л. М. Лотман. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана — с 1956 по 1976 годы сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: «Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов ученого совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 38.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 83.

мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участи»¹.

Другой эпизод подобного **заступничества** содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: «... в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. <...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к всесильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым»².

Эти примеры можно множить и множить. **Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям.** Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубедить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани возможного и невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем, далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны “доблестных органов” и арестованного (ныне реабилитированного). <...> обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: “Письмо за моей подписью только ухудшит в дан-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

² Там же. С. 108–110.

ном случае ситуацию. Для *них* мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили»¹. Но иных примеров было намного больше: «В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконя, достал замерзшими пальцами свою печатку “Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев”, сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие людей самых различных профессий и разного общественного положения»², — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко.

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова: «Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечере памяти Беркова. <...> Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разгоравшаяся травля Солженицына. <...> Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опрометью побежал одеваться. <...> я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными. <...> Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Романов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинда и меня. Трое других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: “А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых”»³.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 112–113.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 174–175.

Здесь уместно сказать, что лихачевское благородство было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь, в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблагоприятные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича постоянную готовность помочь ему в конфликтах с официозной идеологией: «готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности; и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, — почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, — почему на эту роль не нашлось больше охотников?»¹

Возможно, самым необычным в этой деятельности Лихачева было **стремление помогать своим научным оппонентам**: «Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о “Слове о полку Игореве” не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на “Слово” — тогда мы лучше его поймем»², — говорит Вяч. Вс. Иванов. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что готовность становиться в трудный час на его сторону, которую Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял по отношению к нему с

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 177–178.

² Там же. С. 174.

начала 1970-х и до самого конца советских передряг, была делом оказана «не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире»¹. В частности, Сергей Сергеевич констатирует, что «вокруг каждого человека есть “свой”, это вполне нормально, сколь же нормальна помощь, оказываемая “своим”»². Научная традиция в Советском Союзе была такова, что научное сообщество жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписаным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же не был для Лихачева «своим» в некотором будничном смысле: членом социума, подчиненным, учеником и, тем более, «послушным учеником»³.

Видимо, **противостояние власти — это искусство возможного**. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что **Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен**.

Даже в благодущные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избивание в парадной своего дома, обернувшееся сломанными ребрами. «Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из кромешной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого»⁴, — пишет С. С. Аверинцев.

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: «Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом — но, может быть, это было еще опаснее»⁵. И еще: «В девяностые года звезда Лихачева взшла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение “Наш дом — Россия”, настойчиво предлагал Лихачеву воз-

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 178.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 387.

главить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него»¹.

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка: «В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опальным — письмо от Горбачевой привез фельдъегерь, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: “То-то же”»².

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой — диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что «фактически, Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву — что он не превратился в очередное “украшение дома” руководителей государства»³. Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: «С середины 1980-х гг... он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства»⁴.

Д. М. Буланин же утверждает, что «политики превратили красивую сказку об “эпохе” Д. С. Лихачева в жестокий фарс»⁵, что «те — наверху, кто признал его как *persona grata*, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти, — это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу»⁶. В итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «удобную для себя политическую марионетку»⁷.

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возлагавшие на

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 381.

² Там же. С. 35.

³ Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

⁴ Шмидт С. О. Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 18.

⁵ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 166.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 167.

академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж, действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»¹. А Даниил Гранин дополняет: «С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много»². Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Даниил Александрович, иногда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»³. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако **период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд**: «Тогда дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немного — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина — и черная полоса в истории страны закончится»⁴. В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»⁵.

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. **Демократические убеждения были им выстраданы**. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: «Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи,

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

² Там же. С. 383.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm>. Загл. с экрана.

Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы¹.

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»².

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России» Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: «Великий государь говорил, а бояре не приговорили»). Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной и сходы были значительно более организованными, нежели российская Дума 1990-х годов с ее драками: «Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми». Земские соборы так же были формой демократической жизни³.

В июне 1994 года он писал: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми»⁴.

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергеевич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслил иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб

¹ Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

³ Аргументы и факты. 1995. 12 окт.

⁴ Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.

своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: «Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов»¹. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унижить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на «универсальном языке культуры»². Впрочем, это мог бы сказать о Дмитрии Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев «воплощает в себе лучшие черты российской культуры 20-го столетия», что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами³: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере, он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобразующей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом»⁴.

Существенно, что **Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным.** Не случайно Д. А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»⁵. Ученый стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность, Даниил Александрович сказал об этом так: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»⁶.

¹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.

² Биллингтон Дж. Х. [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 1.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь // Там же. С. 4.

⁶ Там же.

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемени, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы их общее важнее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил нашу честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тяжчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолированном обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех “обстоятельств времени”. <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»¹. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

¹ Лихачев Д. С. Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове: [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 641–643.